

Проклятый

Миры Лунасгарда I

Анна Мистунина

Анна Мистунина

Проклятый

«Издательские решения»

Мистунина А.

Проклятый / А. Мистунина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-740551-9

Зваться членом императорской семьи — что может быть лучше? Ничего, уверен Кар, названный брат и лучший друг наследника престола. Но одна ночь изменила все. Император убит. В его груди — кинжал Кара. Вина доказана, за спиной грохочут копыта погони. Кар бежит прочь из Империи — в запретную Долину магов. Навстречу своему настоящему отцу и предрешенной судьбе: обрушить на Империю войну, погубить юного императора и занять престол. Устоит ли память о детской дружбе против злобы, ненависти и колдовства?

ISBN 978-5-44-740551-9

© Мистунина А.
© Издательские решения

Содержание

Часть Первая. Принц	6
Глава 1. Я всегда буду рядом	6
Глава 2. Ради блага Империи	11
Глава 3. Скачи как ветер!	20
Глава 4. Первый день императора Эриана	25
Глава 5. Во власти тьмы	34
Глава 6. Мы – аггары	40
Часть вторая. Кочевник	50
Глава 7. Девушка и вождь	50
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Проклятый

Анна Мистунина

*Вот, я в беззаконии зачат,
И во грехе родила меня мать моя.
Библия, Псалом 50:7*

© Анна Мистунина, 2023

ISBN 978-5-4474-0551-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть Первая. Принц

Глава 1. Я всегда буду рядом

– Мы будем приходить сюда, Кар? Потом, когда я стану императором?

Карий, молочный брат принца, повернул голову.

Взошла луна. Ее прозрачный свет оживил дворцовые крыши, мягким сиянием окружил волосы наследника престола. Золотые нити парадной туники неярко блеснули при движении. Пурпурную накидку-плащ Эриан без всякого почтения расстелил на бурой от времени, густо заляпанной голубиным пометом черепице. Ветер задувал сюда пыль и сор с городских улиц, сухие прошлогодние листья и даже мелкий речной песок. Не то чтобы принцев сильно заботила сохранность одежды, но лежать на мусоре было неудобно.

Обычно братья приносили с собой покрывало. Но сегодня, в послепраздничной суете, среди беготни озабоченных слуг и жадных до сплетен придворных, наследнику было не до того.

Ускользнув из-за стола, как только позволили приличия, он задними полутемными коридорами пробрался в покои Кара. Оттуда – знакомым путем, через галерею в главное здание дворца, по ступенькам, спиралью восходящим на самый верх, к узкой лестнице, ведущей на крышу. Лестница считалась неиспользуемой, ее заслоняла прочная деревянная дверь, но замок казался запертым только снаружи. Мальчишка, помощник слесаря, за мелкую монету подпилит его, и весьма умело: за семь лет никто так и не заподозрил, что дверь открыта. Еще двумя монетами Эриан обеспечил молчание мальчика.

Старые, но прочные ступени привели братьев к квадратному люку. Створки распахнулись бесшумно – Кар лично смазывал петли. Здесь, на плоском, как блюдо, участке крыши, принцы вздохнули наконец с облегчением. Улеглись рядом на расстеленной накидке, как лежали сотни раз, молча ли, за разговором – неважно.

Шесть декоративных башенок соединяли узорчатые перекладины – как будто корона увенчала крышу главного здания. На шесть сторон, как лучи звезды или снежинки, расходились соединенные галереями жилые башни дворца. Террасы и балюстрады одевали их белоснежным каменным кружевом. Весной дворец купался в аромате цветущих деревьев, все лето под чутким присмотром садовников благоухали клумбы. Теперь же, по осени, в воздухе разлился спелый плодовый дух, лишь чуть-чуть приправленный запахом конюшен.

Воздушный, словно морская пена, незыблемый и древний, как мир, дворец намного пережил своих создателей. Много столетий простоял он, не меняясь, и простоит еще столько же. Таково наследие колдунов, искусство давно сгинувшего зла. Императоры истинных людей владеют им по праву победителей.

Высокая каменная стена, не защита от врагов – откуда взяться врагам посреди великой Империи, в самом ее сердце, под оком священного храма? – отделяла дворец от города. За этой преградой, для кого неодолимой, а для кого и очень даже посильной, шумела, медленно затихая, древняя столица. По брусчатке улиц гремели колеса повозок, раздавался бодрый перестук копыт. То и дело перекликались голоса. В вечернем воздухе звуки разносились далеко. Городской шум был привычен, как дыхание, как стук огромного сердца Империи. Братья слышали его, не замечая.

Они убегали на крышу от придворной жизни, обязанностей, от постоянного напряжения и тревоги. Здесь, наедине с другом, можно было сбросить маску, не следить за выражением лица и тоном голоса. И слова, если вдруг захочешь их произнести, могли быть любыми – только бы не достойная светская беседа.

Но сегодня что-то беспокоило наследника престола. Не дождавшись ответа, он повторил настойчиво:

– Что ты молчишь? Ты не знаешь?

Кар усмехнулся:

– Как пожелаешь, мой принц.

Насмешливый тон не давал принять заявление всерьез, но Эриан вскинулся:

– Не говори так!

– Как будет угодно ва...

Удар в плечо прервал вежливую речь Кара.

Принц уклонился от встречного тумака. Вскочив, прыгнул на поднимавшегося Кара, но ловкая подножка свалила будущего императора обратно. Кар оказался сверху. Уперся в плечи Эриана, изо всех сил прижимая к смятой накидке. Извернувшись, принц освободился. Но прежде, чем его высочество успел подготовить новое нападение, Кар метнулся в сторону.

Обменялись веселыми взглядами.

– Мир? – спросил Кар.

– Мир, – кивнул Эриан.

Принц расправил накидку. Кар снова упал с ним рядом. Помолчали.

– Что тебя тревожит? – спросил Кар.

– Не знаю.

Эриан перевернулся на спину. В черно-синем без единого облачка небе высыпали звезды. Принц задумчиво смотрел на них, но Кар знал, что перед глазами его совсем другие картины. И ждал, приподнявшись на локте, когда брат заговорит.

Белокожий, с мягкими золотыми волосами и мелодичным голосом, Эриан был так непохож на смуглого резкого Кара! Многие удивлялись их дружбе. Многие – и таких было куда больше – тайно или в открытую возмущались. Иные, кто не отличались благочестием и любовью к жрецам, а потому готовы были поддержать любое новшество, лишь бы насолить Храму, дружески называли братьев «день и ночь».

Раз прозвучав, прозвище приклеилось намертво. Очень уж метким оказалось – еще и потому, что, как день невозможен без ночи, так Эриан не мыслил жизни без молочного брата. И ничуть не заботили его высочество священные законы Храма, гласящие, что проклятое черноволосое отродье не должно жить. Обличительные проповеди Верховного жреца, чье слово в государстве почти равнялось императорскому, пропадали даром. Император, верный памяти жены, всегда принимал сторону мальчиков.

Поговаривали, что неспроста. Что в темных коридорах, ведущих от императорской башни к женским покоям, частенько появлялась закутанная в плащ высокая фигура – и скрывалась за дверью спальни дамы Истрии. Глубокой ночью, когда все, кроме стражников, спят. Но, вероятно, не так уж крепко, раз кто-то разглядел в таинственной фигуре императора Атуана. А что стража ничего не видела – на то и придуманы потайные двери.

Но Кара, как и Эриана, не беспокоили слухи. Если правда – что с того? Кар не знал иного отца, кроме императора, Эриан не знал матери, кроме дамы Истрии, с тех пор как добрая императрица Далия скончалась на втором году жизни мальчиков. Оба предпочли бы видеть Истрию супругой императора. Но законный брак с матерью Кара невозможен, и не только из-за жрецов. Император делил ложе со многими красавицами и не собирался менять печальные одежды вдовца на узы нового брака.

А вздумай кто упрекнуть даму Истрию за уступчивость да припомнить ее прошлое, – Кар не успеет убить оскорбителя. Его убьет император, и смерть будет мучительной.

Так и получалось, что Кар, живой вызов святым устоям, все еще занимал место возле принца. Место, от века предназначенное другому. Точнее, другой.

- Почему ты не пришел на церемонию? – спросил Эриан.
- Я был на церемонии. Стоял во вторых рядах. И все видел... Видел даже, как ты зевал. Принц мимолетно улыбнулся, но тут же нахмурился снова.
- На пиру не был.
- Нет.
- Мне тебя не хватало.
- Знаю. Прости.
- Почему ты их боишься?
- Я не боюсь. Но сидеть там под их взглядами... Как будто все смотрят на меня и думают: «Что же с тобой делать?» Надоело.
- А я был один, – горько сказал принц. – Все эти преданные вассалы... Смотрели на меня, как на кусок мяса. Так, словно болезнь отца – не легкое недомогание, а почитай что смерть. И знай представляли мне своих дочерей. А глаза голодные...
- У вассалов? Или у дочерей?
- У всех! О боже, Кар, ты единственный, кто ничего не хочет от меня!
- Ничего, – откликнулся Кар. Тихо добавил: – Прости, что оставил тебя одного. Прости, Эри.
- Ладно, – вздохнул принц. – Тебе тоже несладко. Его святость изволил осведомиться о твоём здоровье. Он, похоже, не знал, как принимать твоё отсутствие.
- Ну, он никак не соберётся меня изгнать, заменив подходящей девицей...
- Пусть попробует! – сверкнул глазами принц. – Пусть попробует!
- Вот я и говорю. Но ты же не только из-за этого злишься?
- Нет.
- Так в чём же дело?
- Я думал... – Эриан замолчал, глядя в небо. Кар ждал. Наконец принц повернул голову. – Понимаешь, я сегодня смотрел на них. Герцоги, графы, бароны... стая волков. Жрецы снуют между ними, ловят каждое слово... Все их боятся, и не любят, и делают вид, что почитают. Отец – он всегда посередине, всегда между. Знает, как угодить и тем и другим. А себе – себе он ничего не оставляет. У него нет жизни, Кар! Он никому не доверяет, всех использует... Его тоже все используют и никто не любит...
- Мать любит, – Кар сказал это так тихо, что сам едва расслышал.
- Я знаю... Но он и ей до конца не верит. Кар, если бы у тебя была сестра, я бы на ней женился.
- Что?!
- Кар сел и потряс головой. Пытаясь обратить все в шутку, сказал:
- Ну, если б она удалась в мать...
- Нет. Такая, как ты.
- Кар снова усмехнулся, и усмешка вышла горькая.
- Из племени колдунов?
- Да! И пусть они все подавятся! Кар, ты не бросишь меня? Если отец и правда умрет...
- Кар, ты единственный, кому я верю! Я не смогу, как отец...
- Принц замолчал, будто его схватили за горло. Казалось, он сейчас заплачет – невероятно, если помнить, что будущий император не плакал с полутора лет, со дня смерти матери.
- Отчетливо, вкладывая сердце в каждое слово, Кар произнес:
- Ты – мой принц. Мой брат. Я всегда буду рядом. Клянусь.
- Эриан кивнул. Молча – слова были не нужны.
- Жаль, что ты не колдун, – сказал он чуть погодя.
- Воистину ночь откровений. Кар хрипло спросил:
- Ты понимаешь, что говоришь?

– Будь ты колдуном, ты бы вылечил отца.

«Будь я колдуном, я бы не вылечил его. Я погубил бы... И его, и тебя, и навлек бы проклятие на всю страну...»

– Сохрани меня бог. Я не колдун.

– Да знаю я, – по-простецки откликнулся Эриан. – Просто подумалось. Завтра к вечеру гости разъедутся. Давай сбежим к тому озеру? Поохотимся на лебедей, заночуем в замке...

– Тебя не отпустят, пока император болен.

– Говорю же – сбежим. Или они решатся силой задержать повелителя?

В последней фразе послышалось высокомерие, знакомое по императору Атуану. Прежде Эриан не говорил так. Кар с интересом оглядел молочного брата.

Принц лежал на спине. В глазах отражались по-осеннему яркие звезды. Лицо в обрамлении растрепавшихся золотых волос казалось двойником лунного лика. Император столь же выше простых смертных, сколь выше земли ночное светило...

Тряхнув головой, Кар сбросил наваждение.

– Только не бери с собой полк охраны, как в прошлый раз!

– Сохрани меня бог, – со смехом откликнулся принц. – В тот раз это была воля отца.

Так они лежали, болтая обо всем понемногу, а вдали затихал утомленный праздником город. Погрузились в сон дома, только трактиры еще светили огнями, возмущая ночь женским визгом и взрывами пьяного смеха. Сегодня им хватало постояльцев – на праздник Благодарения в столицу съехались не только вассалы. Простой люд стекался со всех концов Империи. Опытные торговцы везли товары – в праздники всем хватит места на рынках. Бездельники, а порой и добрые крестьяне приезжали налегке. Кто-то – в расчете наняться слугой или солдатом, благо правители всех областей присутствуют на празднике. Другие – в ожидании легкой добычи, и, надо сказать, вора и шулерам в эти дни хватало работы. Как и бродячим артистам, шутам всех мастей, попрошайкам и менестрелям, крикливым жрецам-проповедникам... Решительно всем полезен великий осенний праздник Благодарения!

Но теперь праздничные дни подошли к концу. Завтра поутру распахнутся городские врата, телеги, экипажи и конные отряды потянутся обратно. Кто-то уедет, довольно потрясая полным кошельком. Другие не увезут ничего, кроме тяжелого похмелья, а ведь приехали с полными телегами накопленных за год богатств.

Луна сдвинулась, теперь ее заслоняла западная башня. На лица упала тень. Повеяло холодом. Принцы переглянулись, вдруг вспомнив о времени.

– Тебя не хватятся? – спросил Кар.

Эриан махнул рукой.

– Гремонт сделает вид, что я мирно сплю в своей постели. День был утомительный... Признаюсь, брат, я в последнее время частенько сбегаю по ночам.

Его высочество улыбнулся самодовольно, как человек, понимающий: успехами в любви он обязан не только своему положению. Высокий рост, играющие под туникой мышцы, пронзительный взгляд голубых глаз под короной золотых кудрей, – будь Эриан не принцем, а последним кухонным мальчишкой, и тогда нашлись бы дамы, готовые разделить с ним ложе.

Кар промолчал. Ему нечем было похвастаться. Не потому, что проклятое колдовское отродье, незаконно вознесенное до положения брата-принца, не притягивало женских взглядов. Скорей, наоборот. Но в жадных взглядах придворных дам он видел такое же любопытство, с каким смотрят на дрессированную собачонку или говорящего скворца. И Кар, слишком гордый для роли забавной диковины, оставлял красавиц брату.

Эриан вдруг зевнул. Улыбнулся.

– И все же, пожалуй, надо спускаться. А не то завтра нам будет не до лебедей.

Уже поднимая створку люка, Эриан добавил:

– Помни, ты поклялся.

– Да, – ответил Кар.

Эриан исчез в проеме. Кар, захлопнув створки, последовал за ним. С верхнего этажа спустились вместе и, миновав галерею, простились в башне наследника. Эриану предстояло идти прямо к центральным покоям, Кару – по боковой лестнице вверх, к своим, не столь роскошным и все же очень удобным комнатам.

Расстались, как всегда – ударив ладонью о ладонь.

– До завтра, – улыбнулся Эриан.

– До завтра, – откликнулся Кар.

Глава 2. Ради блага Империи

Он подождал, пока брат не пропал из виду. Вдоль стен, через каждые десять шагов, неярко горели масляные светильники. Витражи широких окон изображали цветы и плодовые деревья. Легкие шаги принца удалялись почти неслышно. Кроме них, ни единый звук не нарушал тишину ночи.

Но вот пурпур накидки в последний раз мелькнул за колонной и исчез. Кар тряхнул головой. По времени следовало пойти к себе и доспать остаток ночи, но пустой желудок вдруг возмущенно и громко заурчал. Все-таки не стоило сбегать с праздничного пира!

Прихватив лампу, Кар вернулся в главное здание и той же спиральной лестницей спустился на первый этаж. Ступени уходили дальше, к подземным кладовым и тюремным камерам, к разветвлениям давно пришедших в негодность труб – когда-то давно по ним текла вода.

Дворцовая кухня встретила его странной тишиной. Молчали остывшие печи, неподвижными рядами замерли большие и малые кастрюли, надраенные до блеска сковородки. Широкие столы были пусты, как центральная площадь в ожидании парада. Кар даже растерялся: сколько он себя помнил, здесь всегда царила суета. Жарко горели печи, источая дымные аппетитные запахи, сновали нагруженные тяжелыми подносами поварята, слышались голоса и резкие окрики главной кухарки. И всегда находилась горсть сладостей или пара мясных колбасок для двух голодных принцев. Став слишком взрослыми, чтобы каждый день прибегать на кухню, братья все же нет-нет да и наведывались сюда. Но никогда – ночью.

Покидая кухню через несколько минут, Кар уносил солидный кусок окорока и початый кувшин вина из тех, что не допили на пиру. Надломленный пшеничный хлеб поместился за пазухой, масляную лампу на длинной ручке пришлось повесить на запястье.

Уже подходя к лестнице, услышал негромкие голоса из-за двери одной из каморок. Задержав шаги, прислушался – непохоже на говор кухонной прислуги. Два голоса, мужской и женский, казались незнакомы, третий же...

Кар вздрогнул.

«Не может быть, я обознался», – сказал он себе.

Пожав плечами, хотел идти дальше, но голос зазвучал снова, и Кар замер. Ему не почудилось! Но что делать Верховному жрецу во дворце ночью? В жалкой комнатухе у лестницы, где спят иногда слуги и собаки? Но голос, непререкаемо-властный голос, привыкший вещать именем бога, не узнать невозможно.

Вино, мясо и хлеб остались на полу вместе с лампой. Тихонько ступая, – мягкие придворные туфли как нарочно придумали, чтобы подслушивать, – Кар приблизился и заглянул в щель.

Комнатка, пять на восемь шагов, была пуста, если не считать двух грубых деревянных скамей. На стене чадила лампа. Под ней лицом к двери сидела пышнотелая дама. Кар узнал ее. Родственница старого Виржона, герцога Лассалья, области на севере Империи, баронесса Тассия, была фрейлиной императрицы Далии. После смерти государыни баронесса осталась при дворе, где пользовалась заслуженной славой главной сводницы, а при случае и свахи.

Баронесса подняла голову, и Кар невольно отпрянул. Произнесла:

– Чем вы недовольны, ваша святость? Яд действует медленно, как вы и хотели.

Кар снова прижался к щели. Мужчина, сидевший напротив, – Кар видел только его спину в расшитом серебром темно-синем плаще да широкие поля шляпы, – при словах баронессы поднял голову и посмотрел на третьего, кто быстрыми шагами расхаживал от стены к стене. Кар тоже посмотрел – да так и не смог отвести глаз.

С первых дней жизни, прежде чем запомнил свое имя, он приучился видеть в Верховном жреце врага.

Немолодой – лет шестидесяти или около, благородной осанки, белокожий, как все законные жители Империи, Верховный жрец всегда был полон спокойного величия. Тем более странно видеть, как он нервно вышагивает по комнате, как кусает от волнения губы. Так же странно вместо жреческих алых одежд видеть на нем простой черный плащ с капюшоном. Сейчас капюшон был откинут, открывая благородные седины жреца.

– Слишком медленно, – сказал он.

– Зато никто не назовет это убийством, – возразил мужчина в синем плаще. – Разве не этого вы хотели... Ваша святость?

Кар прежде не слышал, чтобы к Верховному жрецу обращались так дерзко. Но тот не обратил внимания.

– Обстоятельства изменились, – сказал он. – Император готов заключить мир с еретиками хоть завтра. Войска из восточных областей отозваны. Император дошел до того, что пригласил их посольство на праздник! Вы видели сами. Но этого мало! Атуан намерен сам ехать на восток, едва поправится!

– Но его величество не поправится, – возразила баронесса.

– Его врач сегодня говорил мне обратное.

– Врач ошибается, ваша святость, – сказал мужчина.

Жрец полыхнул гневом:

– Вы готовы ручаться головой?!

Мужчина втянул голову в плечи, баронесса приоткрыла рот – то ли сердито, то ли испуганно.

Верховный жрец продолжил спокойнее:

– Примирившись с еретиками, он объявит прощение колдунам, тем паче, что одного давно пригрел на груди. Атуан намерен разрушить власть Храма. Он давно к этому шел, теперь он решился. Проклятие нависло над Империей, оно близко – один неверный шаг, и тьма падет на землю. Я вижу ее, вижу черную тень...

Казалось, жрец забыл о слушателях. Баронесса глядела как зачарованная. Кар, замерший перед щелью, тоже.

– Змея растет здесь, в императорском доме, – произнес жрец и отер ладонью лоб. – Медлить больше нельзя. Если император не умрет, погибнет Империя.

– Моя племянница... – начала баронесса.

– Ваша племянница второй месяц пичкает императора ядом, а он только кашляет!

– Вы сами велели применить медленный яд! – казалось, баронессу ничуть не пугал гнев жреца. – Вы хотели, чтобы никто не заподозрил убийства!

– Теперь я повелеваю, – жрец говорил негромко, но голос бил, как удары молота. – Вы избавите страну от императора. Сделаете это быстро. И – никто не заподозрит убийства. Вы поняли?

Тяжелую паузу – Кар слышал только бешеные удары своего сердца – прервал голос мужчины:

– А почему?

– Что – почему?

– Ваша святость, почему бы не случиться убийству... Если найдется подходящий убийца?

Жрец вдруг успокоился. Опустился на скамью поодаль от баронессы. Кар увидел его заинтересованное лицо.

– Объяснитесь.

– Позвольте напомнить вам закон, – по голосу казалось, что незнакомец обсуждает всего лишь покупку лошади или выбор блюд к обеду. – Законом, как вы знаете, держится Империя. По смерти императора ему наследует первородный сын. В случае смерти сына, в отсутствие других детей престол переходит...

– К сестре-принцессе, – быстро вмешалась баронесса.

– Верно. К сестре-принцессе, которая, в свою очередь, обязана выбрать супруга из ближайших родичей императора. Таков закон Империи, утвержденный богом, дабы обеспечить близость императора к народу, исключить борьбу за трон...

– Довольно, мы знаем это, – прервал жрец. – Продолжайте вашу мысль.

– Мысль моя проста. Волею доброй императрицы Далии сестры-принцессы у нас нет, впервые за время существования императорского престола. Зато имеется брат-принц... змеиное отродье, как ваша святость изволили выразиться. В случае смерти наследника змееныш займет трон. И закон будет на его стороне.

Кару пришлось схватиться за дверь. К счастью, трое, увлеченные разговором, ничего не услышали.

– Это так, ваша святость? – спросила баронесса.

– Так, – тяжело уронил жрец. – Даже я не в силах изменить закон Империи.

– Так почему бы не использовать его, ваша святость?

– Понимаю, – восхищение в голосе баронессы смешалось с азартом.

Жрец медленно кивнул.

Мужчина продолжил:

– Все, что нам требуется – представить дело так, словно брат-принц убил императора и покушался на жизнь наследника. Но был вовремя схвачен. Таким образом ваша святость избавится от императора и от змееныша... И получит наследника, раздавленного смертью отца и предательством брата. Податливый материал для воспитания монарха, ревностного в служении богу...

Повисла тишина. Жрец размышлял, собеседники почтительно ждали.

Наконец Верховный жрец кивнул.

– Вы правы. Как ни ужасно, мы должны это сделать ради Империи. Когда вы предполагаете это осуществить?

– Да хоть бы и сегодня, ваша святость. Ваша племянница, баронесса...

Кар тихо шагнул назад. Он и так слишком долго слушал. Его трясло, как на сильном морозе. Как будто наступил на клубок змей, провалился в яму с нечистотами...

Не думая, что делает, схватил лампу и бросился вверх по ступеням. Пятно света скакало перед ним. Тошнота подступала, древние каменные стены наваливались, грозя раздавить...

Некстати вспомнилось – дворец строили еще при колдунах.

Лестница тянулась почти бесконечно. Дыша громче загнанного зверя, Кар вывалился на первый этаж. Бегом промчался по галерее.

У поворота остановился. Ночь. У дверей принца стража. Ворваться, крича о предательстве, поднять весь дворец? Кому быстрее поверят – Верховному жрецу или Кару, змеиному отродью?

Злобные речи уже пустили корни в его душе. Еще вчера Кар не колебался бы, отстаивая правду. Сейчас, развернувшись, он бросился к лестнице. Вверх, на четвертый этаж, потом боковым коридором пересечь башню – и снова вниз, к задним комнатам.

И вот он почти у цели, осталось несколько шагов. Здесь не горели светильники. Дрожащий огонек переносной лампы вырвал из темноты старинную фреску.

Потускневшее, полустертое изображение, Кар видел его сотни раз, но сейчас картина ожила перед глазами. По одеждам побежала рябь, как от ветра. Засверкали драгоценности на императорском одеянии, задрожали, готовые обрушиться, топоры палачей. Болью и гневом подернулись лица казнимых. Смуглые лица, черные волосы, высокие, как на подбор худые тела...

Глаза судей ожидающе уставились на Кара. Вот он, ненадолго избежавший казни. Вот оно, змеиное отродье...

Всхлипнув, Кар ударил ладонью стену между картин. Участок стены сдвинулся, открывая потайную дверь.

Главные покои всех башен имеют потайные выходы. Их устройство разное для каждой башни. Зачем это было нужно древним строителям, истинные люди не знают, но тайну выходов развели давно, развели – и приспособили к своим нуждам.

Скользнув в узкий коридор, Кар вернул дверь на место. Снаружи стена теперь выглядела целой, кто не знает – нипочем не догадается. Огонек лампы осветил короткий пустой коридор и дверь напротив. Дверь в спальню принца.

Тяжелый гобелен насквозь пропитался пылью. Кар привычно задержал дыхание, выбираясь к полумраку спальни наследника престола. Мало кто при дворе не знал, что в покои наследника ведет потайная дверь. Кар единственный видел ее. Кар, да еще император, сам в бытность наследником не раз ускользавший навстречу радостям ночи.

Откинув край гобелена, Кар оглядел спальню. Свечи не горели, в камине дотлевали угли. Кровать под узорчатым балдахином приготовлена ко сну – и нетронута. Спальня была пуста.

Кар тяжело привалился к стене. Он пропал. Он и впрямь проклятое отродье, не способное спасти ни себя, ни тех, кого любит. В чьих бы объятиях ни спал принц, к себе он вернется нескоро. Император Атуан погибнет от предательства, Кара обвинят и казнят. А принц, дважды убитый, станет игрушкой в руках жрецов.

Последняя мысль отдалась болью. Эриан. Друг, брат и господин. Умереть за него – счастье. Причинить ему боль – хуже смерти и мук.

«Мой принц. Мой брат!»

Кар застонал – и пришел в себя.

Вернувшись тем же путем, пересек главное здание, через новую галерею, в другую башню, к женским покоям. Здесь не понадобятся тайные двери.

На ходу пригладил волосы, вызывающе прямые и черные. Одернул короткую тунику. Глазам разбуженных слуг в передней дамы Истрии предстал не испуганный беглец, – надменный молодой принц жестом отослал их прочь. Без колебаний распахнул двери в материнскую спальню: застать там императора было бы милостью божьей. Гнев Атуана, сколь угодно суровый, лучше уготованной жрецом судьбы.

Дама Истрия спала одна. В окна светила луна, блики скользили по волосам спящей, вдоль покрывала протянулись светлые полосы. Кар помедлил, но время утекало, и он коснулся плеча матери.

Она проснулась сразу. Приподнялась, натягивая на плечи покрывало. Вгляделась в полумрак.

– Карий? В чем дело?

Дама Истрия, кормилица наследника престола, осанкой и манерами не уступала иным герцогиням. Располнев с годами, она не утратила красоты, и многие находили ее желанной. Слава бывшей нищенки, хуже того – шлюхи, понесшей от колдуна, казалось, ничуть не вредила ей.

Императрица Далия родила на два месяца раньше срока. Случилось это в дороге. Императрица возвращалась с поклонения – обычай велел ей посетить храмы в двенадцати областях Империи, молясь о здоровом сыне. Завершиться паломничество должно было в столице, где в главном храме Верховный жрец присоединит к ее молитвам свои. Потом императрица закроется во дворце до появления ребенка. И, как было испокон веков, ребенок этот будет мальчиком.

Согласно древнему закону, ему выберут кормилицу – простую женщину из народа, недавно родившую здоровую девочку. Женщина вскормит будущего императора наравне с собственной дочерью. И останется при дворе, окруженная почетом, как мать сестры-принцессы. Дети вырастут вместе, вместе постигнут все, что нужно знать императорской чете. А когда придет время свадьбы, на трон взойдет императрица, телом и душой преданная стране и супругу. Не связанная родовым интересом ни с кем из вассалов, свободная от интриг. Так стала императрицей Далия, так было много веков до нее.

Но в тот вечер, когда к Далии пришли родовые муки, случилось иначе. Кар столько раз слышал этот рассказ, что порой казалось – он видел все своими глазами.

Шел дождь, холодный и монотонный. Кorteж двигался рысью – смеркалось, а до ближайшего селения оставалось больше десяти миль. Далия, не желавшая ехать в носилках, делалась все бледней. Но в седле держалась прямо, и озабоченные дамы не слышали от нее ни слова жалобы до тех пор, пока императрица с тонким вскриком не упала на шею лошади.

Кorteж остановился. Далию сняли с седла, солдаты эскорта спешно раскинули походный шатер. Придворный врач рылся в багажном мешке, ругаясь вполголоса. И понятно – будь его воля, беременная не покинула бы дворец, и гори огнем обычаи вместе со жрецами.

Всю ночь и весь день императрица мучилась родами. Ее крики далеко разносились над лесом, им вторили резкие голоса птиц. Даже бывалые солдаты бледнели от этих звуков. Командир эскорта хотел на носилках перевезти госпожу в селение. Врач не терпящим возражений тоном отослал его – роженицу нельзя трогать.

На вторую ночь отряд услышал отчаянный младенческий вопль. Солдаты завопили в ответ, загремели оружием, приветствуя Эриана, принца и наследника престола.

Но радость сменилась новой тревогой. Измученная родами императрица лежала без сознания. Хмурый врач откинул полог шатра. Навстречу бросился командир эскорта. «Ее величество потеряла много крови, мы не тронемся в путь, пока ей не станет лучше, – сказал врач. – Скачите в селение. Отыщите недавно родившую женщину, если такой нет, скачите дальше, пока не найдете. Принцу нужна кормилица».

Несколько мгновений рыцарь не шевелился. Потом поклонился врачу и бросился выполнять приказ.

К утру солдаты вернулись. Командир вел в поводу коня. На нем, испуганно вцепившись в луку седла, сидела женщина. Бурый потрепанный плащ скрывал ее с головой. Солдат, ехавший следом, бережно держал маленький сверток, женщина то и дело оглядывалась на него.

Отряд спешил. Командир протянул руки, и женщина неловко соскользнула с седла. Капюшон упал, открывая лицо. Нечаянная кормилица принца была молода и казалась бы привлекательной, если бы спутанные волосы, лицо в грязных разводах и заношенная одежда не выдавали в ней нищую.

Ребенок на руках солдата закричал, женщина кинулась к нему. Из шатра императрицы появился врач. «Другой не нашли...», – начал командир отряда, но врач уже увлек нищенку в небольшую палатку, разбитую возле шатра императрицы. Короткий приказ, и два солдата побежали к реке за водой.

Так Истрия стала кормилицей наследника престола. На ребенка, разделившего с принцем Эрианом материнское молоко, никто поначалу не обратил внимания. Ребенок и ребенок, нищенское отродье...

Пока выяснилась правда, стало поздно. Выздоровливая, Далия ни на шаг не отпускала от себя кормилицу. К ужасу своих дам, императрица находила в беседах с ней большое удовольствие. Когда врач позволил отряду продолжать путь, дружба императрицы подарила надежную защиту нищенке и ее сыну – смуглокожему темноволосому порождению колдуна.

По возвращении в столицу Далия отказалась взять другую кормилицу. Хрупкая императрица спокойно выдержала гнев Верховного жреца. Не дрогнула перед угрозой проклятия. «Я поступаю по сердцу и совести, – сказала она жрецу, – бог рассудит нас».

О чем говорил с супругой император, знают лишь стены ее спальни. Наутро Атуан подтвердил решение Далии. Бывшая нищенка в придачу к званию императорской кормилицы получила дворянство, а ее сын – титул брата-принца и положение, почти равное Эриану.

Полтора года спустя новая беременность оборвала жизнь Далии, но император и тогда не уступил жрецу. Истрия и Кар остались при дворе.

Но сейчас в голосе матери вместо гнева Кар услышал страх. И задохнулся от мысли: мать боялась за него. Все пятнадцать лет она жила в страхе. А он и не подозревал...

– Мама...

Получилось плохо. Он редко называл ее матерью, все чаще по-придворному: госпожа.

– Мама, помоги мне.

Истрия вскочила.

– Что случилось?

– Я слышал... – Кар запнулся. Сглотнув, начал снова: – Я был на кухне, сейчас. Когда возвращался, услышал разговор в комнате для слуг. Там был Верховный жрец...

Мать вздрогнула. Набрасывая халат, велела:

– Продолжай.

– С ним был мужчина, я не узнал его, и баронесса Тассия. Они собираются убить императора. Его... новая любовница, племянница баронессы, дает ему яд...

Кар опустил голову, не в силах взглянуть матери в лицо.

– Продолжай, – холодно повторила Истрия.

– Жрец сказал, что яд действует слишком медленно. Тогда мужчина... предложил убить императора и выставить убийцей меня. Как будто бы я метил на престол. Убил государя и хотел убить Эриана...

Он замолчал, подавившись ненавистью.

– Почему ты не позвал стражу? – выдохнула мать. – Почему...

– Мне не поверят! Я... Я проклятое колдовское отродье!

Истрия ахнула, как будто ее ударили.

– Прости меня, – добавил Кар. – Это не мои слова, они так говорили. Да и все... Мама... Как попасть в его покои?

Мать не удивилась вопросу. Не возмутилась. Спросила тихо:

– Что ты хочешь сделать?

– Охранять его.

– Тогда убьют вас обоих.

– Отправь со мной слуг, кому доверяешь.

– Через потайную дверь в императорскую спальню? – оборвала Истрия. Мягче добавила: – Я им не доверяю. Я сама пойду с тобой.

– Нет! Только не ты!

Мгновение Истрия вглядывалась ему в лицо. «Что она видит?» – подумалось Кару, но мать уже отвела взгляд. Сказала спокойно:

– Ты прав, мне там делать нечего. Я покажу тебе вход и разыщу Баргата. Он поверит... Если не тебе, то мне.

Кар кивнул. Баргат, пожилой начальник дворцовой стражи, отличался рассудительностью – и грубоватой привязанностью к обоим мальчикам. Если кто и мог поверить Кару, а не Верховному жрецу, то именно Баргат.

Истрия обошла камин. Оглянувшись, скользнула рукой вдоль стены. Кар не разглядел, откуда она достала небольшой, с полпальца, ключ. Вернувшись, протянула.

– Держи.

С невольной дрожью Кар сжал его в руке. Другой рукой нащупал рукоять на поясе – короткий придворный кинжал годился разве что резать мясо, но другого сейчас не было.

Истрия затянула серебристый бахромчатый пояс, провела руками по волосам. Подняла оставленную Каром лампу.

– Идем.

Потайной ход начинался в боковом коридоре, на нижнем этаже императорской башни. Первая дверь знакомо скрывалась в стене, вторую, сразу за ней, Кар открыл ключом. В полумраке за дверью угадывался тесный коридор.

– Иди к Баргату, мама, – сказал Кар. – Я справлюсь.

Кивнув, Истрия отдала ему лампу и быстро пошла прочь. С глубоким вздохом – забраться ночью в императорскую спальню! – Кар решительно скользнул в прохладу тайного хода. Стена встала на место, щелкнул замок внутренней двери. В неярком свете огонька лампы Кар зашагал вдоль серых, без ковров и рисунков, стен. Было сухо, пахло пылью. Дважды повернув и миновав длинный переход, Кар наконец увидел ее – узкую, обитую темным металлом дверь. Рядом, на стене, крепление для светильника.

Повесив лампу, Кар так же, как на входе, вставил ключ в углубление двери. Повернул. Дверь открылась с чуть слышным шорохом.

В спальне принца потайная дверь пряталась за гобеленом, здесь же Кар просто вышел из полумрака ниши в дальней от входа стене, полускрытой двумя большими сундуками.

Дрова в камине сгорели совсем недавно, вдоль раскаленных углей пробегали частые языки пламени. Свечи в витом медном канделябре оплыли всего наполовину. Узоры красного дерева, украшавшие кровать и балдахин, казались черными. Тяжелый полог был отдернут. Император Атуан лежал поверх простыней, такой же величественный в наготе, как и в парадном одеянии, – монарх, почти равный богам. Рукоять кинжала в его груди смотрелась до того неуместно, что Кар не сразу понял, в чем дело.

Замерев, он смотрел, как отблески огня играют на рукояти. Медленно, как во сне, отвел взгляд, уставившись на темное пятно крови на простынях. Тонкая струйка сбежала на пол, растеклась лужицей. Почти черная, она зловеще поблескивала.

Осознание нахлынуло с запахом крови и смерти, с ощущением падения в пропасть. Взгляд метнулся обратно, к рукояти в груди императора – и Кар узнал оружие.

Еще бы не узнать! Редкий день проходил без воинских занятий. И всегда, в ученье и в дружеском поединке, в руках Кара были меч и кинжал, подаренные императором на десятилетие. Эриан получил такой же подарок – император Атуан не делал разницы между принцами. Настоящее мужское оружие, когда-то слишком тяжелое для мальчишек. За пять лет оно стало привычным, как часть руки, хоть Кару и далеко до успехов Эриана. В день праздника занятий не было, кинжал оставался в покоях Кара, там же, где меч, щит и легкий кованный панцирь. И вот...

Шум в передней заставил Кара вздрогнуть. Голоса и шаги приближались, и он метнулся обратно, в нишу, к потайной двери. Вставил ключ, но было поздно: двери спальни распахнулись. Несколько голосов дружно ахнули – и смолкли.

Очень осторожно Кар повернул голову.

Глубокие тени скрывали его, да и смотреть было некому. Взгляды вошедших были прикованы к телу императора. Шестеро стражников в полном боевом облачении, заспанный Баргат

в ночном халате, баронесса Тассия и... стройная красавица в мятом платье. Светлые локоны растрепались, на лице – смесь страха с высокомерием. Племянница баронессы. Лаита.

Молчание тянулось громче любого крика. Наконец Лаита тихонько всхлипнула, и остальные пришли в себя, зашевелились. Баргат быстро подошел, склонился над телом. Укрыл его тяжелым одеялом. Затем, хоть в этом и не было нужды, взял руку императора – прощупать пульс. Все молча смотрели, как начальник стражи выпрямляется, враз постаревший, и тяжело произносит:

– Мертв.

Негромкое слово отдалось гулом в каменных стенах. Баронесса всхлипнула.

– Госпожа Лаита. Повторите мне то, что рассказали вашей тете, – Баргат говорил вежливо, но сомнений не оставалось: приказы сейчас отдает именно он.

Лаита нерешительно взглянула на баронессу, та обняла ее за плечи. Вытерев слезы, сказала:

– Расскажи ему, детка. Не бойся. – Она снова всхлипнула.

– Господин мой император, – голос Лаиты слегка дрожал, – пожелал провести эту ночь со мной. Он прислал за мной слугу, и я повиновалась. Когда я пришла, мы...

Она замолчала.

– Дальше, милая, – сказала баронесса. – Это можешь не рассказывать.

– Я спала, – продолжила девушка. – Проснулась, потому что кто-то наклонился над кроватью, быстро, я испугалась. Я закричала, но он зажал мне рот. И я услышала хрип, и на меня полилось что-то теплое, и император... Он убил его во сне, император не успел проснуться!

– Кто? – спросил Баргат.

Он смотрел на кинжал. Он знал, чье это оружие.

– Брат-принц, – сказала Лаита.

Кто-то из стражников охнул, другой сложил пальцы в охранный знак. Баргат не шелохнулся.

– Почему же он не убил и вас, госпожа? – спросил он.

– Он схватил меня! Он... Он хотел надругаться надо мной. Но я вырвалась, и выскочила в переднюю, и увидела...

– Что же вы увидели, госпожа?

– Что там все мертвы, – прошептала она. – И я убежала... Не помню как...

Лаита разрыдалась, упав на плечо тети. Баронесса подняла на стражников гневный взгляд.

– Чего вы ждете?! – закричала она. – Измена! Император убит! Почему вы еще не схватили убийцу?

Стражники бросились к двери, но Баргат жестом остановил их.

– Двое слуг и четверо стражников, – сказал он. – И брат-принц справился с ними один?

Кар против воли улыбнулся. Кому, как не Баргату знать, что брат-принц не справится и с одним, даже самым неумелым стражником!

Баронесса сорвалась на визг:

– Хватит нести чушь! Вы видели сами! Они убиты не мечом! Это колдовство!

– Колдовство, – дружно выдохнули стражники. Охранные знаки теперь делали все.

– Да, колдовство! – кричала баронесса. – Не мне вам объяснять, чья кровь в его жилах!

И если вы... Если вы дадите ему сбежать...

Она втянула воздух и закончила:

– Если он сбежит, я скажу Верховному жрецу, что вы нарочно его упустили. Что вы причастны к измене!

Баргат как будто хотел возразить. Смолчал. Его плечи опустились, лицо окаменело.

– Поднимайте всех, – сказал он стражникам. – Обыскать дворец. Утроить стражу на воротах, никого не выпускать. Найдите брата-принца.

– Имейте в виду, – добавила баронесса, – наследник тоже в опасности!

– Тройную стражу к покоям наследника, – согласился Баргат. – Четверых пришлите сюда, охранять тело. И, баронесса, нужно послать в храм, за жрецом.

– Я распоряжусь, – величественно сказала та. – Идем, Лаита.

Вслед за женщинами вышли стражники, в спальне остался один Баргат. Приблизившись к смертному ложу императора, он склонил голову и молчал.

Молчал и Кар – застывший комок боли, ужаса и ненависти. Человек у кровати был ему другом. Еще вчера, еще час назад... Но сейчас Кар видел палача.

Надежды не осталось. Скоро придут стражники, явится жрец. В комнату набьются придворные, зажгут новые свечи. Кара найдут. Его ждет казнь, но сначала – сначала то, что хуже казни. Неверие и мука в глазах принца Эриана. И чем видеть это – не лучше ли вонзить нож в собственное сердце?

«Мой принц. Мой брат», – подумал Кар, и рука легла на рукоять. Только так, убив себя на глазах Баргата, можно разрушить планы жреца. Баргат поймет. А если не он, то поймет принц.

Кар беззвучно извлек кинжал из ножен. Боевой, прервавший жизнь императора, подошел бы лучше, но сгодится и этот. Только один, смертельный удар. Второго ему сделать не дадут.

Страх исчез. Кар уверенно сжал рукоять.

– Прости меня, повелитель, – нарушил тишину Баргат. – Знаю, какова была бы твоя воля. Но я не смогу спасти его. Прости.

Развернувшись, Баргат быстро вышел из спальни.

Глава 3. Скачи как ветер!

Кар выдохнул. В голове мутилось, но тайная дверь была рядом, и теперь он мог ею воспользоваться. Руки тряслись, он только с третьей попытки вернул кинжал в ножны. Повернул ключ. Дверь тихо раскрылась. Захлопнув ее с другой стороны, Кар упал на колени.

Обхватил голову. Каменные стены дворца, построенного для колдунов, хранили древний холод. Он пронзал тело насквозь. Сотни лет простоял дворец. Сотни лет, сотни смертей... Все они обступили сейчас Кара. Тишина кричала тысячами голосов. Изнутри накатывала тьма, и была она хуже смерти, больней боли.

Долго простоял он на коленях, потерянный, раздавленный. Ледяные когти рвали сердце. «Надо было ударить, надо было ударить», – стучало в ушах. Спасаясь, Кар замахал руками, но тьма не отступила, и он вскочил. Открыв глаза, с удивлением увидел свет – казалось, тьма накрыла весь мир.

Дрожащими руками Кар снял со стены светильник. Проверил масло – меньше половины. Спотыкаясь, не в силах оторвать взгляд от светлого язычка пламени, побрел по коридору обратно. Он не думал, что ждет его на той стороне, просто переставлял ноги, шаг за шагом, и боялся одного – что погаснет огонь.

– О, Кар! – жарким шепотом воскликнула Истрия.

Оглянувшись, втокнула его обратно в безопасность тайного хода.

– О боже, Кар! Я не могла стоять там до утра! Еще немного, и меня бы заметили!

Кар молчал. Вглядевшись ему в лицо, мать прошептала слова, каких не должна знать придворная дама. Обняла его изо всех сил. Тепло материнских рук не заглушило боль, не вернуло потерянной жизни, но тьма испугалась его. Кар поднял голову.

– Мама...

– Слушай меня, – Истрия выпрямилась, но объятий не разжала. – Я слышала их разговор. Окно выходит в сад. Посмотри, чтоб не было часовых, и прыгай. У пролома в стене, ты знаешь, где он?

Кар кивнул. Мать продолжила:

– Там моя белая кобыла. Оседланная. Быстрее, пока ее не нашли. Садись в седло и скачи, мой мальчик, скачи как ветер!

– А ты? Мама...

– Мне ничего не грозит. И не смей больше терять время. Подожди...

Приоткрыв дверь, Истрия выглянула в коридор. Тут же захлопнула. Послышались голоса и шаги, звон доспехов. Мать снова обняла его, и Кар почувствовал ее дрожь.

– Сейчас... – дождавшись, пока голоса стихнут за поворотом, Истрия выдохнула: – Вперед!

Шестиугольный оконный проем прикрывали внутренние ставни. Дама Истрия раскрыла их. Подтянувшись, Кар бросил себя в толщу стены. Задержался на миг.

– Мама! Эриан...

– Он узнает правду, клянусь. Беги!

Кар бросился вперед. Проскользнул, обдирая колени, навстречу светлой осенней ночи. Выглянул, ожидая увидеть часовых, но те, видимо, обходили дворец с другой стороны. Кар помедлил – всего два удара сердца – и прыгнул.

Земля больно ударила в подошвы. Упав на корточки, он тут же метнулся под защиту кустов. Постоял пригнувшись, ожидая окрика стражи. Но было тихо, только ночная пичуга, ничуть не испугавшись, чирикала в самое ухо: «Ки-ири! Ки-ири!»

Кусты, усыпанные мелкими сладкими ягодами, тянулись до скамеек у фонтана с разноцветными рыбками. Чтобы попасть на задний двор, где за конюшнями ждал заветный разлом, нужно было пересечь аллею. По ней, поглядывая по сторонам, ходил часовой. Тяжелые сапоги размеренно ударяли в каменные плиты.

Кар замер в кустах. Нечего и думать проскочить незамеченным. К тому же – он только сейчас понял – Баргат не хуже матери знает о проломе, через который юные принцы не раз убегали от занятий в город. Неужели, приказав искать Кара, он не вспомнит о единственном пути бегства?

Голоса и звон доспехов заставили пригнуться ниже. Стражники обшаривали кусты вокруг соседней башни. Скоро они будут здесь. Олень, загнанный собаками, тоже дрожит и покрывается потом, только прежде Кар не сочувствовал оленю. Так же, как не станут охотники сочувствовать ему самому.

Вот часовой окликнул их. До Кара долетали отдельные слова – император, наследник, брат-принц. Воины столпились, обсуждая новость, между дворцом и аллеей. Всего пара мгновений, пока их внимание занято... Кар сжал зубы. Олень приговорен, но кто заставит его покорно ждать смерти?

Ему казалось, он неловок и медлителен, а шаги слышны на весь сад. Удары сердца – и того громче. Но никто не обернулся, когда Кар промчался по аллее и скрылся по другую сторону. Голоса остались позади, вскоре их заглушило ограждение площадки для тренировок. Кар стрелой припустил к пролому.

Сломанный участок стены чинили не раз. Каждую весну на месте пролома появлялась свежая кладка – но целой она оставалась недолго. Не проходило и двух недель, как пролом появлялся опять. Кто это делал – оставалось тайной. Год назад император приказал охранять свежепочиненную стену. Но, как только стражу сняли, в ту же ночь стена была сломана.

И то сказать – ворота, даже задние, и уж тем паче парадные, годятся не для всяких дел. Мальчишкам ли сбежать на городские улицы, кухарке ли, не дожидаясь конца недели, навестить мужа, а то и любовника, благородному ли кавалеру прогуляться, минуя любопытную стражу, – пролом в стене нужен всем. И Баргат, начальник дворцовой стражи, не очень-то переживал на этот счет. Ворам нечего делать в полном воинов дворце, а война давно не подступала к столице Империи.

Сейчас пролом стал последней надеждой Кара. Подбегая, он с удивлением понял – путь открыт. Баргат, разбуженный среди ночи, потерявший господина, придавленный заботами, забыл о проломе. Забыл – или из милосердия не захотел вспомнить.

Белая материнская кобыла стояла рядом, натянув поводья, и трава вокруг была объедена. Кар еще не поверил в спасение, а руки уже отвязывали лошадь, мгновение – и он в седле. Короткий разбег, прыжок – и вскачь, прочь от дворца, от прежней жизни, от всего, что любил и потерял. От мертвого императора. От изменника жреца. От принца Эриана, кому сегодня клялся всегда быть рядом. От матери... Что с ней будет? Сможет ли Эриан защитить ее? Захочет ли защищать мать убийцы?

Кар чуть не развернул кобылу. Но приказ еще звучал в ушах: скачи как ветер! И Кар подчинился.

Главные ворота выходили на площадь между дворцом и храмом. Пролом вел к городу. Столица вырастала вокруг дворца и храма, как лепестки из сердцевины цветка. Изящные дома белого камня, с крытыми дворами, садами и фонтанами, балюстрадами и коронами башенок, – древние, почти неподвластные времени строения колдунов. Век проходил за веком, а неведомая сила хранила их, пока изделия истинных людей старились и разрушались. Колдовство ли тому виной или тайное, неведомое истинным людям искусство, – жрецы обходили то молчанием.

Подковы выбивали дробь на брусчатке. Чем дальше от центра, тем уже улицы, тем чаще меж стенами древних строений втиснуты новые, построенные истинными людьми. Все чаще попадались деревянные дома. Дворы стали тесны, кое-где их не было вовсе.

Ничего не поделаешь – город растет не только ширирь. Два столетия назад по указу императора скрыта древняя стена вокруг столицы и построена новая, намного дальше первой. Так появились новые кварталы, быстро получившие прозвище Веселых из-за множества кабаков, трактиров и домов терпимости. Городская стража нечасто заглядывала на те улицы, благоразумные люди избегали ходить там в темноте, если только не имели доброго клинка на поясе да парочки рослых ребят за спиной – или, на худой конец, крепких кулаков, при случае способных заменить и то и другое.

Убегая от смерти, почти ощущая затылком ее дыхание, разве время думать о городе? Кар думал. Скача вдоль безлюдных улиц, он как будто впервые видел: достоинство древности, застывшей, как схваченный морозом водопад. Шумную грубость и недолговечность, живущие здесь ныне.

Кар думал о колдунах. О тех, кто жил здесь прежде, кто строил дворцы и разводил сады, кто осквернял землю и возмущал небо колдовством. Истинные люди были им рабами. Колдуны убивали мужчин, насиловали женщин и пили кровь младенцев, – Кар знал это с рождения, с рождения стыдился и ненавидел свой род.

Но сегодня... Пусть он проклятое отродье, по недосмотру оставленное в живых, но сегодня не он лгал и убивал в темноте! Истинные люди, чья кожа и волосы светлы, попрали все, чем хвалились при свете дня. Кто знает, в чем еще они лгали?

От страха и сомнений шумело в голове, мысли гнали одна другую. Но в глубине, за шумом и растерянностью, поднималось странное облегчение.

Приближалась городская стена. Кар пустил кобылу шагом. Небо на востоке едва порозовело, ворота откроют нескоро. Нужно где-то затаиться до утра. Завидев светящиеся окна трактира, Кар свернул туда.

Он спешил, и, несмотря на поздний час, тут же подбежал слуга. Передавая повод, Кар с опозданием вспомнил о деньгах. Их не было, как и подходящей для путешествия одежды, припасов, оружия... Короткий придворный кинжал с самоцветами на рукояти стоил дорого, но продавать его Кар не хотел. Украшений при нем не было – только золотое кольцо с изумрудом в форме звезды, материнский подарок. Много ли выручишь за него среди ночи?

Но дама Истрия и в панике не теряла головы. В переметных сумках Кар нашел овес, кожаную флягу и увесистый кошель – и пожелал матери тысячи благословений. Сказал слуге: – Оботри ее, накорми, но не расседлайвай. Я выеду рано.

Слуга, парень немногим старше Кара, понимающе кивнул. Что-то бормоча под нос, повел лошадь к конюшне. Кар пересек двор. Запах жареного мяса, лука и хлеба зашекотал ноздри, и в животе опять заурчало. Не смешно ли – думать о еде на волосок от смерти?

Дверь открылась от толчка. Медный колокольчик звоном сообщил о новом госте. В большой комнате с закопченными стенами, несколькими дверями и внушительной стойкой, за которой виднелась открытая дверь на кухню, стоял дружный храп. Кар замялся, но тут же понял: из-за праздников не осталось свободных комнат, вот постояльцам и приходится коротать ночь прямо в обеденной зале.

Одни спали, уронив голову на тяжелую столешницу, другие – на руки. Иные растянулись, как на кроватях, на скамьях у столов. Судя по одеждам, большинству было не впервой ночевать кое-как, так что и скамья могла сойти за хорошую постель.

Бодрствовали двое – в дальнем конце зала, за столом с тремя бутылками вина и блюдом, полным костей. Один походил торговца, род занятий второго Кар затруднился определить, но панцирь под дорожным плащом и меч рядом на скамье говорили о нраве далеко не мирном.

На звон колокольчика оба оглянулись – и будто вмиг протрезвели. Пальцы торговца сложились в охранный знак.

Кар замер на пороге.

Он привык к опасливо-любопытным взглядам, но положение брата-принца защищало надежней доспехов – до сих пор. Теперь, слишком поздно, Кар понял. Никогда ему не скрыться в толпе. Двое за столом видят колдуна. Колдун в сердце Империи может быть лишь один. Сообразят ли это полупьяные торговцы?

Тот, что был в панцире, потянулся к мечу, но тут из кухни выскочил, протирая заспанные глаза, рослый детина. Засаленный передник поверх светлой рубахи навывпуск, хозяйственно-услужливый вид – трактирщик.

Всего миг понадобился ему, чтобы смекнуть, кто завернул среди ночи в небогатый трактир. Глаза трактирщика скользнули по лицу Кара, по одежде, оценивая расшитую серебром тунику, золотые бляшки на поясе – и вот уже хозяин заведения склонился в низком поклоне.

– Ваша милость...

Двое за столом удивленно переглянулись. Потом успокоились, поняли. Рука, лежащая на мече, расслабилась.

– Что будет угодно вашей милости? – спросил трактирщик. – Увы, мой трактир не для богатых господ...

– Комнату на несколько часов и завтрак.

– Простите, господин, в праздник все места заняты, – трактирщик кивнул на спящих за столами людей.

– Я хорошо заплачу и пробуду всего два-три часа.

Кар поймал оценивающий взгляд того, кто был с мечом и в панцире. Трактирщик оглянулся, кивнул:

– Я уступлю вашей милости свою спальню. Пойдемте, мой господин...

Трактирная кухня по части опрятности и порядка могла соперничать с дворцовой. Трактирщик заметил удивление гостя, заулыбался. Запер дверь. Кар с облегченным вздохом отсчитал пять золотых. Трактирщик даже бровью не повел. Деньги – на них можно было жить в трактире месяц – исчезли в кармане передника. Трактирщик поклонился.

– Пойдемте, ваша милость.

Дождаясь в тесном коридоре второго этажа, Кар видел через полуоткрытую дверь, как хозяин что-то быстро говорит невысокой худенькой женщине, та исчезает в другой комнате, возвращается с охапкой белья. Проходя мимо, супруга трактирщика послала знатному гостю кокетливый взгляд из-под ночного чепца. Кар вежливо кивнул.

Вскоре хозяин проводил его в опрятную спальню с кроватью, спешно застеленной чистыми простынями, небольшим столом и двумя дубовыми табуретами.

– Я побеспокоил вашу жену? – чуть виновато спросил Кар.

– Она ушла в детскую, ваша милость, – трактирщик кивнул на противоположную дверь. – Не извольте волноваться. Наш малыш ее все равно поднял бы.

Кар кивнул. Вторжение в семейную жизнь доброго трактирщика было меньшей из забот этой ночи, да и пять золотых – достаточная плата за неудобство.

– Я принесу завтрак вашей милости, – сказал трактирщик и вышел.

Кар устало рухнул на табурет. Опустил голову на руки. Собаки отстали, оленю удалось скрыться. Надолго ли? И стоит ли бежать, если конец предрешен? Но в пятнадцать лет умереть без борьбы...

Вернулся трактирщик, ловко расставил по столу тарелки. От запаха жареного мяса опять свело желудок. Наполнив чашу вином, хозяин подал ее Кару. В этот миг из детской донесся бодрый детский плач, и трактирщик расплылся в гордой улыбке. Приняв чашу, Кар кивком отпу-

стил его. Тот вышел, прикрыв дверь, но плач все равно был отчетливо слышен – Кар невольно посочувствовал родителям ребенка.

Утолив голод, встал. Он дрожал от усталости, но о сне не мог и думать. В каждом шорохе, в каждом звоне дверного колокольчика чудилась погоня. Беспокойно вышагивал он по комнате, не понимая, не видя ни деревянных стен, ни грубой мебели. Эриан, лунный свет, клятва... спокойная жестокость лице жреца, нагой император с кинжалом в груди, белая кобыла... Все, что любил, все, чему верил...

Кар уткнулся лбом в теплую стену. Все ложь. Ложь и предательство. Как нарочно, вспомнился праздник – неужели это было лишь вчера? Колыхались алые сутаны жрецов, блестело золото, летели к храмовым сводам песнопения. В стрельчатые окна било солнце. Горели свечи, светились лица. И звучали слова молитвы, прекрасные, возвышенные. Радовались истинные люди, праведные слуги Истинного бога. И Кар, брат-принц Империи, не знающий, не желающий знать иного родства, радовался. Он был счастлив, счастлив и любим... Глупец!

– Глупец! Жалкий глупец! – повторил Кар и понял, что это не его слова. Это вернулась тьма.

Тогда, в темноте потайного хода, Кар плохо разглядел ее. Теперь, поднявшись во весь рост, она заполнила комнату.

«Ты видишь, – сказал голос, – тебе лгали. Ты верил им, но тебя предали. Ты чужой для них. Проклятое отродье».

– Нет! – прошептал Кар.

«Они хотят твоей смерти».

– Не все... Не Эриан!

«Они все одинаковые».

– Нет!

«Что тебе до них?»

– Эриан мой принц, – ответил Кар тьме, – мой брат. Я люблю его. Император был для меня отцом. Эриан не поверит, что я его убил!

«Почему же ты бежишь?» – насмешливо спросила тьма.

– Я бегу от жрецов. Не от Эриана!

«Ты не брат ему. Ты колдун».

– Нет!

Из последних сил принялся вспоминать: игры и дружеские потасовки, конные состязания, смех Эриана. Объяты матери, улыбку императора. Звезды над крышей дворца. Светлые воспоминания, словно щит, заслонили Кара от тьмы. И тьма отступила, шепнув на прощание: «Ты убедишься...»

Он поднял голову. Руки дрожали, как после долгой тренировки с мечом. Волосы промокли, одежда прилипла к телу, но Кар снова был собой. Налив вина, он залпом опустошил чашу. Опять заплакал ребенок. Еще немного, и откроются городские ворота. Только бы выбраться из города, не попавшись! А потом...

Кар не знал, что будет потом. Неважно. Главное – остаться в живых. Бога не зря зовут Истинным. Ложь не будет торжествовать вечно. И жрец еще поплатится за сегодняшнюю ночь.

Глава 4. Первый день императора Эриана

Нарела была всего на год старше Эриана. Ее отец, Гардий, граф Отона – области к югу от столицы, тридцать лет прослужил военачальником императорской армии. Женившись на фрейлине императрицы Далии, он произвел на свет трех сыновей и одну дочь, воспитанную при дворе в холе и неге. Узнай родители, что Нарела принимает в своей спальне мужчину, тот не дождал бы до рассвета. Правда, узнав, кто именно делит постель с их любимой дочерью, граф и графиня Отонские поступились бы родительской гордостью в надежде на возможный брак. Отец-император не стал бы возражать, вот только Эриан не думал ни о чем подобном. Но что касается старших братьев девушки, ни верность престолу, ни благоразумие не удержали бы их от мести. Потому Эриан был весьма осторожен. Но девичьи прелести Нарелы определенно стоили риска.

Приподнявшись на локте, Эриан снова окинул взглядом ее тело. Нарела сонно улыбнулась.

– Мне пора, – с сожалением прошептал он.

И оказался захвачен в кольцо мягких рук.

– Куда ты спешишь?

– Спать, клянусь богом! Не хотелось бы заснуть здесь – и проснуться от пощечины твоего отца!

– Отец никогда не поднимет руку на будущего императора, – улыбнулась Нарела.

– Но ты же не расскажешь ему? – с тревогой спросил Эриан.

Мгновение Нарела молчала, улыбаясь, потом ее пальцы зарылись ему в волосы.

– Не расскажу, повелитель.

«Она думает, я на ней женюсь», – подумал Эриан.

Пряча неудовольствие, поцеловал ее губы, шею, грудь, и резко сел в кровати. Потянулся за одеждой. Нарела покорно расцепила руки. Накинув халат, проводила его до двери. Единственная служанка в передней кивнула – поблизости никого. Проходя, Эриан улыбнулся: девушка ничуть не уступала красотой своей госпоже. Зардевшись, служанка присела в реверансе.

Миновав галерею, остановился в недоумении. Дворец пылал огнями, отовсюду слышался топот и лязг оружия. Раздавались крики. Эриан не сделал и нескольких шагов, как на него буквально налетела троица встрепанных придворных.

– Принц! – закричали они. – Принц здесь!

– Хвала богу! – раздалось в ответ.

По лестнице бежали стражники в полном вооружении.

– Что здесь происходит? – воскликнул Эриан.

Придворные уставились на стражников, стражники – на придворных.

– Я спросил, в чем дело?

– Император...

– Что – император?

– Он мертв, – раздалось в ответ.

– Что?!

Оттолкнув стражников, Эриан помчался к покоям отца. Двери были распахнуты настежь, переднюю заполнили люди – Эриан не заметил лиц.

Перед ним расступились, пропуская в спальню.

Вокруг кровати горели свечи. Много свечей. Император был до плеч укрыт расшитым покрывалом. На лице застыло удивление, тронутые сединой волосы растрепались,

на подушке – кровавое пятно. Кровь была и на полу. На покрывале подле императора испачканный темным кинжал. Кинжал Кара – с ужасом понял Эриан.

Тело не слушалось его, он хотел шевельнуться и не мог. Кто-то подошел, встал рядом. Эриан не обернулся.

Было очень тихо, как будто все разом затаили дыхание. Кто-то тихо входил – и присоединялся к общей неподвижности. Никто не издал ни звука, пока Эриан наконец не заставил себя очнуться.

Огляделся. Лица расплывались перед глазами. Стража по углам кровати, придворные у двери. Заплаканный человек рядом – доверенный камердинер отца. А где Кар? Почему его нет, когда он так нужен?

– Как это случилось?

– Не знаю, мой господин, – сквозь слезы ответил слуга. – Меня не было рядом. Он отпустил меня. Все говорят что...

Он замотал головой, как будто не мог продолжать.

– Что говорят, Арний?

– Что его убил брат-принц, – прошептал слуга.

– Ложь! – воскликнул Эриан.

– Увы, государь!

Эриан знал того, кто вошел в спальню: герцог Сориан. Его земли на востоке граничили с территориями еретиков. Щеголеватый любимец дам, Сориан никогда не нравился Эриану.

– Увы! – повторил герцог. – Есть свидетельница, видевшая собственными глазами. Да и кинжал...

– Это ложь! – зарычал Эриан.

Не помня себя, шагнул к герцогу. Схватил его за отворот плаща, другой рукой сжав рукоять на поясе. Герцог удивленно сощурился, но не стал вырываться.

Эриан дернул затрепавшую ткань.

– Любой, кто повторит эту клевету, умрет на месте! Понятно?!

– Понятно, ваше величество, – спокойно произнес герцог.

Задохнувшись, Эриан разжал руку. Ваше величество! Отец мертв, значит... Он теперь император?

Эриан снова посмотрел на мертвое тело. Развернувшись, оглядел придворных. Все молча следили за ним. Под их взглядами Эриана затрясло. Сжав кулаки, он бросился вон из спальни.

– Ваше величество! – слышалось вслед.

– Оставьте меня! – крикнул Эриан.

Выскочив в коридор, остановился. От галереи быстрыми шагами шел человек в ярко-алой сутане. Нет, только не Верховный жрец! Всклипнув, Эриан побежал в другую сторону.

Его величество император Эриан, повелитель истинных людей, опора веры, защитник угнетенных и гроза непокорных, метался по своим покоям. Нет, уже не своим. После похорон ему предстояло занять комнаты императора.

Похороны! Похороны отца! Из груди вырвалось рычание, нога в мягком башмаке с размаху ударила в аккуратную кучку дров перед камином. Дрова разлетелись по комнате. Прихрамывая на ушибленную ногу, Эриан вернулся в спальню. Упал на постель.

Он отослал слуг. Точнее, они сбежали, увидев его перекошенное лицо. Эриан запер двери, дав клятву прикончить первого, кто постучит. За окнами занимался рассвет. Никто не беспокоил императора, он не знал, что делается во дворце. Где-то на самом дне души бормотала совесть – надо выйти, надо говорить с людьми... Эриан со стоном ударил кулаками подушку. Он не может! Он знал, что этот день придет, но не так! Не так!

«Мне нужен Кар», – в сотый раз подумал он.

Будь он рядом, все было бы легче. Но Кара нет, и непонятно, где он. Император сердито всхлипнул. Почему брат оставил его в самый тяжелый миг? Разве не он клялся никогда не бросать? Да еще эта подлая ложь...

Вот оно что! Император вскочил. Конечно! Кар, должно быть, услышал, что говорят. Испугался, что Эриан поверит, и спрятался. Как глупо! Надо найти его, немедленно. Еще минута без него – и Эриан сойдет с ума!

Распахнув двери, он выскочил наружу, но сразу же отступил обратно.

В комнату вошел человек в алой сутане и плоской алой шапочке, точно таких же, как у любого служителя Храма. Только одно отличало его – широкий пояс из трех полос, белой, синей и черной. Проповедь, наука, война. Принимая посвящение, каждый жрец выбирал стезю, которой следовал потом до конца жизни. Верховный жрец стоял над всеми тремя.

– Ваше величество, – поклонился Верховный жрец.

– Где мой брат?

– Я шел к вам, ваше величество, чтобы поговорить о нем. Только позвольте...

Жрец снова запер двери. Обернувшись, отвесил новый поклон.

Заметив, что нетерпеливо переминается, Эриан заставил себя встать прямо. Руки сами сжались в кулаки, он сердито сложил их на груди.

– Я слушаю, ваша святость.

Жрец бросил взгляд в приемную, где перед камином были расставлены глубокие кресла. Но Эриан не шевельнулся, и жрец остался у дверей.

– Позвольте, ваше величество, принести глубокие соболезнования вашему горю, – начал он.

Эриан кивнул.

– Смерть вашего отца – огромная потеря для Империи... И для меня лично, ваше величество.

Эриан снова кивнул. Жрец с чуть заметным вздохом продолжил:

– Но, хотя горе разрывает нам сердца, разум должен оставаться чистым. Слухи уже ползут. Страшные слухи, ваше величество. Могут начаться волнения. Если страна утратит единство, случится непоправимое. В этот трудный час все глаза обращены к вам. Нам нужен вождь, сильный и решительный, способный с честью провести корабль Империи через эту бурю. Империи нужны вы, ваше величество.

Император Эриан медленно поднял взгляд.

– Чего вы хотите от меня? – спросил он гораздо спокойнее.

– Правосудия, ваше величество. Предайте смерти убийцу императора Атуана. И отведите от страны проклятие.

Прилив черной ярости захлестнул Эриана.

– Если вы явились повторять клевету на моего брата... – бешено выдохнул он.

Жрец не дрогнул.

– Я пришел требовать правосудия, ваше величество.

– Кар не убивал отца! Это ложь!

Жестом величественным, как в храме, жрец поднял руку – и Эриан подавился словами.

– Опомнись, император, – прозвучал гулкий голос. – Горе затуманило тебе рассудок. Женщина, спавшая в постели твоего отца, видела убийцу. Она свидетельствует, что Карий зарезал императора во сне. Ты видел кинжал и знаешь, кому он принадлежит. Слуги, спавшие в передней его величества, мертвы. Стражники тоже. На телах нет ран – их погубило колдовство. И если тебе мало доказательств, знай – принц Карий сбежал прежде, чем стало известно о смерти императора!

– Сбежал? – шагнув назад, Эриан в ужасе уставился на жреца. – Он... он не мог сбежать!

– Его нет во дворце. Из конюшни пропала лошадь, вечером она была на месте, и конюхи клянутся, что никто не выводил ее. Лошадь принадлежала матери Кария.

Жрец замолчал, лицо его смягчилось.

– Ваше величество, – продолжил он тише, – мне понятны ваша боль и неверие. Но как вы глава Империи, так я ее духовный глава. И перед лицом беды... Если вы не в силах принять на себя ответственность, я должен сделать это сам. Таков завет нашего бога, таков мой долг перед народом. Прошу, не вынуждайте меня, ваше величество. Я жрец, а не император.

Слова звучали угрозой, но в лице Верховного жреца Эриан увидел только усталость и печаль. Опустил голову, ища и не находя возражений.

Прошептал из остатков неверия:

– Но зачем?..

– Власть – страшное искушение, ваше величество. Даже истинным людям тяжело устоять перед ним. Карий же... Его происхождение вам известно не хуже меня. Стоит ли удивляться, если злое начало взяло верх и Карий возжаждал власти?

– Но зачем убивать отца?

– Чтобы затем убить вас. И занять престол. Мне ли напоминать вам законы, ваше величество? Карий ваш наследник. Законом держится Империя. И если бы, сохрани нас бог, вы погибли сегодня ночью, мне пришлось бы возвести его на престол... И первым пасть под ударами проклятия.

Слова Верховного жреца падали, как комья земли на крышку гроба. Раздавленный их тяжестью, Эриан все же сумел возразить:

– Весь вечер и часть ночи мы провели с ним вдвоем, и он не пытался меня убить.

– Значит, когда вы расстались, произошло нечто... И это заставило его решиться. Мы можем только гадать, что это было, ваше величество.

Эриан покачал головой.

– Нет, ваша святость. Пожелай Кар убить меня, он мог сделать это в любой момент. Ему известен тайный ход в мою спальню, и...

– Ваше величество, – мягко перебил жрец, – вы провели ночь в собственной спальне?

– Нет, – прошептал Эриан.

– Думаю, мы должны благодарить за это бога. Как и за то, что Лаите удалось вырваться из рук убийцы и убежать. И Карий понял, что теперь его замысел раскроют. Потому он и не стал ждать вас в вашей спальне, а бежал, спасая собственную жизнь.

Темное покрывало боли закрыло свет от императорских глаз. Сейчас он завидовал отцу – тот уже не чувствовал ничего. Безжизненно махнув рукой, Эриан запоздало пригласил жреца в приемную. Зеркало напротив камина отразило яркую сутану и торжественное лицо гостя. Рядом с ним Эриан казался жалкой бледной тенью, насмешкой над императорским достоинством.

Отвернувшись от зеркала, он жестом предложил жрецу сесть, но тот почтительно дождался, пока сядет император, и только затем опустился в алый бархат кресла. Эриан закрыл глаза.

Жрец молчал. Тишину нарушали только звуки дыхания, тяжелого – Эриана, размеренного – жреца.

Открыв наконец глаза, Эриан увидел на лице слуги божьего искреннее сочувствие.

Вздохнул:

– Боюсь, горе все еще туманит мой рассудок. Но вы правы, ваша святость, вы – такой же глава Империи, как и я. Отец всегда помнил это... Постараюсь и я не забыть. Я молод, ваша святость, и власть пришла ко мне без предупреждения. Клянусь, я не желал ее. Предательство брата убивает меня... Потому я не могу судить ясно. Помогите мне, ваша святость. Что мне делать?

– Не нужно видеть во мне соперника, ваше величество, – мягко улыбнулся жрец. – Я слуга. Слуга божий, слуга Империи. Ваш слуга. Император Атуан знал это и потому доверял мне. Мы порой не соглашались друг с другом... Но всегда он оставался императором, а я – слугой. Так Карий стал братом-принцем.

– И отец совершил ошибку, не послушавшись вас, так, ваша святость?

– Не нам судить его, ваше величество. Что же до меня, я постараюсь заслужить ваше доверие, как заслужил доверие вашего отца. Рассматривайте меня как инструмент в вашей руке... Если хотите – как преданного друга, на которого всегда можете опереться.

Эриан смотрел и удивлялся. Как он раньше не видел, сколько в Верховном жреце мудрости? Сколько смирения! Он спросил опять, почтительно, как ученик учителя:

– Что мне делать?

– Я распорядился от вашего имени, – сказал жрец. – Разослал отряды на поиски Кария, назначил награду за его поимку. Его ищут в столице и за ее пределами. А колдуну не затеряться среди истинных людей. Его обязательно найдут. Приведут к вам, ваше величество, для суда и казни. Мы согрешили, позволив колдуну убить нашего императора, и гнев божий грозит Империи проклятием. Но кровь убийцы отвратит его.

Убить Кара... Эриан не заметил, как сжал кулаки. Кар достоин смерти, но до чего же больно!

– Вы страдаете, ваше величество, – негромко заметил жрец. – Не лучше ли приказать воинам доставить его мертвым? Кровь так или иначе смоем грех...

– Нет... нет. Я слаб, но не настолько. И вы правы насчет закона. Карий – брат-принц Империи, пока жив, этот титул неотчуждаем. Покуда я не обзаведусь сыном, он мой наследник. Его казнят на главной площади, с почестями, как наследного принца. Так велит закон. А законом... Законом держится Империя. Теперь я это понимаю.

– Да будет так, ваше величество. А сейчас вам надо пройти в тронный зал и говорить с людьми. До коронации вы будете сидеть на месте наследника, но это лишь формальность. В глазах народа и в глазах бога вы – император истинных людей.

– Да. Я приду.

– Тогда я покину ваше величество. Встретимся в тронном зале.

Уже выходя, жрец на миг остановился.

– Ваше величество, – сказал он. – Дама Истрия закрылась в своих комнатах. Если прикажете...

– Нет! – почти всхлипнул Эриан. – Оставьте ее в покое!

– Да, ваше величество.

Первый день правления императора Эриана растянулся, казалось, на год. Вереница посетителей не кончалась. Краткий перерыв для еды, короткий, меньше часа, сон, лишь обостривший усталость, и опять аудиенции. Эриан принимал вассальные клятвы и соболезнования. Подтверждал обещания и привилегии, данные отцом. Выслушивал сообщения и просьбы. И весь день Верховный жрец был рядом, за спинкой кресла наследника, подле пустого трона. Его тихие, всегда уместные подсказки – этому надо польстить, того припугнуть, здесь проявить скорбь и понимание, этому доверять нельзя, тот будет верен до смерти, – оказались бесценной помощью. К вечеру изможденный Эриан уже почти не вникал в слова посетителей, положившись на советы жреца.

Именно жрец подсказал расторгнуть перемирие с еретиками. Делегация, приглашенная императором Атуаном на праздник, получила охранную грамоту при условии, что покинет пределы Империи в течение месяца, а герцог Сориан – приказ подготовиться к приходу императорских войск.

Мысль о войне слегка взбодрила Эриана, он даже улыбнулся герцогу.

А вечером, когда последний посетитель оставил тронный зал, вошла дама Истрия. Вошла и опустилась на колени, склонив голову. Эриан в волнении сжал подлокотники кресла.

– Ваше величество, – негромко начал жрец.

– Выйдите все, – приказал Эриан.

Придворные один за другим покинули зал. Стража, повинаясь жесту императора, тоже.

– И вы, ваша святость.

Поколебавшись, жрец подчинился.

Истрия стояла на коленях, не поднимая головы. Эриан ждал ее слов, но молочная мать молчала.

– Встаньте, дама Истрия, – не выдержал он.

Она поднялась, и Эриан первым отвел взгляд.

– Что вам угодно?

– Правосудия, ваше величество.

– Правосудия? Что же, убийцу моего отца ждет правосудие. Вы можете не беспокоиться, дама Истрия.

– Вот как ты заговорил, Эриан? Помнится, ты называл меня матерью!

– Это было прежде, чем отец пал от руки вашего сына.

– Карий не убивал его!

– Вы напрасно тратите силы, – устало произнес Эриан. – У меня довольно доказательств.

– Кто дал тебе их? – воскликнула она. – Жрец, который всегда был ему врагом? Продажная сучка Лаита?

Эриан пораженно поднял глаза.

– Вы забываетесь!

– Нет, Эриан! Я поклялась моему сыну, что ты узнаешь правду, и вот что я скажу, ваше величество: если ты поверил этой сучке, то меня, женщину, вскормившую тебя грудью, ты выслушаешь! А потом, потом, если хочешь, казни меня вместе с моим сыном!

Взгляд императора встретился с ее гневным взглядом. Молчание длилось целую вечность, и только поняв, что его щеки намокли от слез, Эриан вскочил. Подбежал к ней, взял ее за руки. Прижал ее ладони к своему пылающему лицу.

– Прости меня, – попросил он хрипло. – Я сам для себя как незнакомец. Отец... Все как дурной сон. Не могу поверить, что его нет.

– Я тоже, – прошептала Истрия. – Не могу...

Эриан отвел ее к креслу наследника, усадил. Опустился на пол у ее ног. Слезы рвались наружу, и Эриан позволил им течь, уткнувшись в колени кормилицы, чувствуя на волосах ее ласковую руку.

– Мой Эриан, – прошептала Истрия. – Мой бедный мальчик...

– Я целый день слышу сочувственные речи, – сказал он, не поднимая головы. – Но, кроме тебя, никто его не оплакивает!

– Для всех он был императором, – ответила Истрия чуть слышно. – Но для меня... Для нас...

– Тебе нечего бояться, – сказал Эриан чуть погодя. – Что бы ни сделал твой сын, это не твоя вина, и пока я жив, тебе никто не причинит вреда. Как некогда отец, я клянусь быть твоим защитником!

– Кар невиновен, Эриан.

– Расскажи, – попросил он.

Верховный жрец не покинул дворец до ужина, где за императорским столом он сидел вдвоем с Эрианом. Пустующие места отца и Кара зияли смертными провалами, как ни стараясь, взгляд снова и снова возвращался к ним. Ужин превратился в пытку.

Светская любезность не сходила с лица Эриана – привычная маска, скрывавшая чувства, как капюшон плаща на лице заговорщика. Но для беседы не осталось сил. Заметив молчание императора, придворные, непривычно скромные в траурных одеждах, один за другим прекратили разговоры. Тишину в обеденной зале нарушал лишь стук ножей о серебряные тарелки да легкие шаги слуг, уносивших и приносивших блюда и напитки.

Эриан встал, и по зале прокатился вздох облегчения. Заскрипели скамьи, дружно зашаркали ноги.

– Ваше величество, – негромко сказал Верховный жрец, – дама Истрия, быть может, огорчила вас...

– Я поклялся ей, что не начну свое правление с мести одинокой женщине за грех ее сына. Я правильно поступил, ваша святость?

Жрец помедлил, и за почтительностью на его лице Эриан угадал внутреннюю борьбу. Холодный взгляд устремился в сторону, где за одним из нижних столов ужинала дама Истрия. Не глядя туда, Эриан ощутил, как угроза и высокомерие жреца натолкнулись на ее спокойное бесстрашие – и схлынули. Осторожность взяла верх.

– У вас благородное сердце, ваше величество. Но останется ли она при дворе?

– Полагаю, у дамы Истрии возникнет желание покинуть столицу, – небрежно сказал Эриан. – Но не сразу. Ни к чему разговоры об изгнании, ваша святость.

Жрец наклонил голову.

– К благодетелю ваше величество прилагает мудрость и осторожность. Я вижу, Империя в надежных руках.

– О да, ваша святость, до тех пор, пока я располагаю вашими мудрыми советами.

– Они всегда к вашим услугам, ваше величество.

Жрец откланялся, довольный новым императором, и скорбная маска не могла скрыть его радость.

За надежными дверями кабинета наследника Эриан дал волю гневу. Тяжелый медный подсвечник со стола полетел в одну сторону, чернильница – в другую. Украшенный самоцветами кинжал последовал за ней.

– Гремон! – крикнул Эриан.

Лицо вошедшего слуги отражало готовность к любым неприятностям.

– Ваше величество?

– Найди мне императорского врача. Приведи сюда, так, чтобы вас никто не видел. Не спеши, дождись, пока он останется один.

– Я понял, ваше величество.

В ожидании возвращения слуги Эриан приготовил кошель с деньгами. Он не знал, к каким доводам прибегнет, но был готов пустить в ход и уговоры, и золото, а если понадобится, вырвать признание под угрозой пытки. В памяти оживал разговор с кормилицей.

– Но можешь ли ты знать наверняка? – спросил тогда Эриан. – Кар был в спальне моего отца. Значит, он мог это сделать? Тогда, или прежде, а потом прийти к тебе?

– Неужели ты веришь этому? – выдохнула дама Истрия.

– Не знаю... Жрец почти убедил меня. Все сходится, и все против него... Кроме моего сердца.

– Послушаешь ли ты сердце, Эриан?

– Не знаю, – повторил он. – Кара ищут по всей Империи. Его найдут: колдуну не скрыться в Империи, тут жрец прав. И когда его приведут ко мне... Когда я увижу его, если Кар скажет, что не убивал отца, я поверю ему. В этом я клянусь тебе, госпожа.

– Поверишь ты, Эриан? Или поверит император?

– Я – император.

– Если так, – кормилица заглянула ему в глаза, – если так, что ты сделаешь поверив?
Эриан вздохнул.

– Я не всемогущ, госпожа, и сегодня жрец ясно показал мне это.

– О, я знаю, – бросила дама Истрия. – Кому, как не мне знать, кто на деле правит Империей!

В лице кормилицы Эриан видел ненависть и гнев, но предназначались они другому.

– Что ж, Эриан, – сказала она помолчав, – хотя бы поверь.

Скрипнув, раскрылись двери. Эриан обернулся навстречу вошедшему. Мужчина чуть моложе отца, в простой серой одежде, поклонился.

– Садитесь, мэтр Озарий. – Указав ему на стул, Эриан опустил в кресло.

Раздумывая, взгляделся в непроницаемое лицо врача. И не счесть, сколько раз тот имел дело с вывихнутыми коленями, разбитыми носами и детскими простудами обоих принцев. Эриан помнил его веселым и ласковым – что не облегчало теперешней задачи.

– Мэтр Озарий, – начал он, – вы осматривали тела слуг моего отца. Сегодня днем вы скажи, что не можете установить причину смерти.

– Это так, ваше величество, – осторожно произнес врач. – На телах не было повреждений.

– И потому следует предполагать колдовство?

Врач принялся внимательно разглядывать пол кабинета.

– Колдовство, ваше величество, не относится к области моих знаний. Я не в силах ответить на ваш вопрос.

Эриан откинулся в кресле.

– Скажите, мэтр Озарий, сегодня утром, до того как вы объявили результаты осмотра, с вами беседовал Верховный жрец?

Голова врача склонилась еще ниже.

– Благодарю вас, – вздохнул Эриан, не дождавсь ответа.

– За что, ваше величество?

– За то, что не лжете.

– В вашей власти погубить меня, ваше величество... – Озарий поднял несчастное лицо. – У меня есть дети...

– Я не собираюсь скармливать вас жрецу, мэтр Озарий. Этот разговор останется между нами. И если он заплатил вам...

– Нет, ваше величество! – Врач, похоже, и не заметил, что перебил императора. – Я не взял бы денег! Да жрецу и не нужно платить, чтобы ему повиновались...

«Третий раз сегодня мне указывают, кто на деле правит Империей!»

Эриан спрятал гнев за улыбкой:

– Вы расскажете мне правду, мэтр Озарий?

– Да, ваше величество. – Врач заговорил тихо и быстро. Эриан наклонился вперед, боясь пропустить хоть слово. – Это яд, ваше величество. Их отравили, никакого колдовства. Есть яды, выпускаемые в воздух. Они действуют быстро и быстро выветриваются. Надо лишь опорожнить сосуд, к примеру, в полуоткрытую дверь или воздуховод. Сложность в том, чтобы не вдохнуть самому, но...

– Кто-то справился?

– Да, и он действовал умело, ваше величество.

«Вот как, ваша святость?»

– Скажите, мэтр Озарий, – задумчиво спросил Эриан, – если вы правы, почему отец не был отравлен? Почему его закололи кинжалом?

– Не могу знать, ваше величество. Но, умри император так внезапно, пошли бы разговоры об отравлении. Даже если бы я подтвердил иное. Такое уже случалось...

- А виновника не было бы. Удобного виновника. Так?
- Так, ваше величество, – чуть слышно подтвердил Озарий.
- Вы уверены, что не ошиблись?
- Могу поклясться, ваше величество. Но если вы спросите меня снова, при людях...

Лучше сразу прикажите меня казнить.

– Не беспокойтесь, мэтр Озарий. Кто бы ни спросил вас, отвечайте, как велел жрец. Слуг моего отца погубило колдовство. Если потребуется, поклянитесь в этом. И если придет день, и вас уличат в ложной клятве, вы уже имеете мое помилование.

Озарий удивленно приоткрыл рот. Хотел что-то сказать, но, взглянув в лицо императору, передумал. Кивнул.

– Вы поняли меня.

– Да, ваше величество. И еще одно... – врач помедлил. – Император недомогал в последнее время. Его болезнь могла быть слабостью легких...

– А могла и не быть?

– Да, ваше величество. В молодости мне случилось изучать яды. Есть трава, она растет на юге. Если принимать ее настой в малых дозах... Пищу императора отведывает слуга, потому трудно предположить отравление, но... Я говорил его величеству о моих подозрениях, но он разгневался. И я... Простите меня, ваше величество.

– Я не понимаю.

– Я давал императору противоядие без его ведома. Под видом укрепляющего снадобья. «Что же, ваша святость. Действительно, все сходится».

Эриан вдруг почувствовал, как сильно он устал.

– Вам не за что просить прощения, мэтр Озарий. Вы спасали моему отцу жизнь, и за это я вечно буду вам благодарен. Не ваша вина, что противник оказался хитрее. Вы верный слуга, я запомню это. Ступайте и забудьте этот разговор.

– Да, ваше величество.

Оставшись один, Эриан подбросил в руке не пригодившийся кошель. Убрав золото, поднял с пола кинжал. Усталость притупила боль и гнев, но Эриан понимал – завтра они вернутся терзать его с новой силой.

Он прошел в спальню, верный Гремонт помог раздеться. Впереди был второй день правления императора Эриана. Будет ли оно долгим, Эриан не знал. Но знал, что счастливым оно не будет никогда.

Глава 5. Во власти тьмы

О наступлении утра возвестили звуки. Забубнили, просыпаясь, грубые голоса, чаще зазвенел дверной колокольчик. Потянуло дымом – на кухне разожгли печь. Кар лежал поверх застеленной постели, слишком измученный, чтобы шевелиться, слишком напуганный, чтобы спать. Незаметно подступила слабость. Не темное искушение злом – простая усталость. Сдаться, прекратить борьбу, не оттягивать неизбежное...

Младенческий крик, резкий и неприятный, встряхнул неповоротливые мысли. Кар с трудом встал. Умылся из кувшина в углу. И вышел, направляясь к лестнице, запаху пищи и голосам из трактирного зала.

Они настигли Кара на верхней ступеньке – взволнованные, недоверчивые. Он задержался прислушиваясь.

– А ты не врешь? – спрашивал кто-то.

– Оторви задницу от скамьи, сам убедишься, – огрызнулся другой.

– Моей заднице здесь нравится, – возразил первый, – а вот ты, пожалуй, врешь, чтоб получить дармовую выпивку!

Грянул смех. Второй голос обиделся:

– Глашатаи на площади второй час орут не затыкаясь, а вы здесь сидите, как мухи в навозе, только свое жужжанье и слышите!

– Но-но! – вмешался третий голос. – За языком-то следи!

– Да погоди ты! – перебил четвертый. – А ну как не врет? Зарезали, говоришь, в собственной постели?

Все смолкли. В тишине второй голос повторил с явным удовольствием:

– В собственной постели, да на глазах у любовницы!

– А что ж она не кричала? – не сдавался первый.

– А то и не кричала, – со значением пояснил второй, – что была околдована. Говорят, это дело рук брата-принца!

У Кара подкосились ноги. Он прислонился к стене, беспомощно нашаривая рукоять кинжала на поясе.

На этот раз тишина была долгой. Потом все загомонили разом:

– Император убит...

– Пригрел змееныша на груди...

– Проклятие на Империи...

– Молодой принц...

– Проклятие...

– Что теперь будет...

– Жрецы...

– Налоги поднимут точно...

– Колдуны...

– Чуть что, поднимают налоги, точно вам говорю...

– Это еще не все! – крикнул вестник, и все разом смолкли. – Тому, кто поможет его найти, молодой император заплатит две сотни золотом!

Восторженные крики перебил голос, что первым начал сомневаться:

– Эй, трактирщик! Выпивку этому парню за мой счет!

– И за мой, и за мой! – подхватили другие.

Кар шатаясь вернулся в спальню. Закрыв дверь. Мысли скакали обезумевшим табуном. Эриан! Эриан поверил! Назначил награду! Мать... Что с ней будет? Если кто-то войдет... Те двое... Трактирщик знает! Двести золотых...

Кар бросился к окну и тут же отшатнулся. Окно спальни трактирщика выходило во двор, где вчерашний слуга держал под уздцы пару оседланных коней, у двери беседовали о чем-то трое в одежде торговцев, а чуть поодаль спешивался запыхавшийся всадник.

Бежать было некуда.

«Ты убедился, – сказала тьма. Кар не удивился ее возвращению. – Что ты сделаешь теперь, проклятое отродье? Станешь ждать смерти?»

Опять заплакал ребенок. Кар вытащил кинжал. Тьма рассмеялась:

«Ты не решишься».

– Я колдун, не так ли? – спросил Кар. – Змеиное отродье?

«Да... – прошептала тьма. – Да...»

Кар тихо вышел из спальни. Отчаянный детский плач доносился из-за двери напротив. Кар толчком распахнул ее.

В комнате неприятно пахло детским бельем. На сундуке лежала стопка чистых простыней, на полу между сундуком и кроватью – ворох грязных. На столе чадила масляная лампа, бесполезная утреннем свете. Жена трактирщика с усталым видом качала колыбель, рядом возилась на полу девочка лет двух от роду, в одной короткой рубашонке.

Тьма стояла за спиной, и Кар не дал себе времени на раздумья. Прыжком очутившись возле девочки, поднял ее одной рукой, прижимая к себе, другой поднес к ее горлу кинжал. Девочка пискнула и затихла, осторожно дыша. Женщина вскрикнула.

– Не смей кричать. – Собственный голос показался Кару чужим. – Если хочешь получить ее живой, позови своего мужа. И ни слова, ни знака никому, или я убью ее!

Женщина закивала изо всех сил. Лицо ее стало совершенно белым. Оглядываясь, она выскочила за дверь. Младенец разорался еще громче, девочка заплакала. Ее тельце было маленьким и теплым, Кар чувствовал, как оно трясется от слез.

Карий, молочный брат принца Эриана, закричал от стыда и ужаса, но тьма насмешливо дышала в затылок, и крик замер внутри. Колдун, проклятое отродье, встряхнул плачущего ребенка.

– Тише! – приказал он.

В комнату ворвался бледный как смерть трактирщик. В руках он сжимал огромный топор.

– Не подходи! – Кар убедительно шевельнул рукой с кинжалом.

Трактирщик, не выпуская топора, повалился на колени.

– Ваша милость, не губите!

Женщина молча рухнула на колени у двери. Ее широко раскрытые глаза не отрывались от плачущей дочери.

– Ты говорил обо мне кому-нибудь? – спросил Кар.

– Нет, ваша милость! Богом клянусь!

– Хорошо. – Кар оглянулся на окно. – Мне нужен плащ, сапоги для верховой езды и лошадь. Мою оставь себе, она слишком приметна. Выведи меня через черный ход...

– Все сделаю, ваша милость, только не губите! – Трактирщик всхлипнул. – Прикажете идти?

– Иди... Нет, постой!

Этого мало – понял Кар. Если он хочет спастись...

– Седлай трех лошадей, – сказал он трактирщику. – Вы поедете со мной. Поможешь выбраться из города, и тогда я отдам ребенка. Если дашь кому-то знак или за нами будет погоня, девочка умрет.

– Сжальтесь, ваша милость! У ворот будут солдаты, вам не проехать!

– Ты найдешь, что сказать солдатам. А теперь торопись, если тебе дорого твое дитя!

Трактирщик вскочил, как подброшенный.

– Шевелись, женщина! – приказал он, выбегая из комнаты.

Его жена бросилась к младенцу. Трясущимися руками принялась заворачивать его.

– Мама! – позвала девочка.

Кар поудобней перехватил ее. Привалился к стене. Будь он на месте трактирщика, вернущийся бы с постояльцами, крикнул стражу. Один кинжал против целой толпы...

Но нет, отцовский страх оказался сильнее. Слышно было, как трактирщик отдает приказания повару. Послышался чей-то вопрос, трактирщик ответил. Вбежав в комнату, закрыл дверь. Несмело приблизился с коричневым плащом и сапогами в руках.

Ненавидя себя, Кар сел на стул. Протянул ногу. Девочка затихла у него на коленях и молча глядела, как отец натягивает сапоги страшному незнакомцу.

Покончив с сапогами, трактирщик набросил Кару на плечи плащ.

– Закутайтесь, ваша милость, – сказал он почти спокойно. – Не обессудьте, я выдам вас за слугу.

Кар кивнул. Покорность этих людей выносить было тяжелей, чем слезы и мольбы.

– Вперед, женщина! – велел трактирщик, затем поманил Кара: – Следуйте за мной, ваша милость. Лицо прикройте капюшоном.

Кар с неохотой спрятал кинжал в ножны.

Девочка больше не плакала. Обхватив Кара за шею, она с интересом вертела головой. Через узкую дверь за кухней трактирщик вывел их на задний двор. Здесь разгуливали куры, валялись в луже у бочки с водой черно-пестрые свиньи. Чумазый мальчишка, сидя прямо на земле, ощипывал гуся. Голубые с озорной искоркой глаза опасливо проводили хозяина. На Кара мальчик даже не взглянул.

Женщина уже сидела в седле, вцепившись в поводья левой рукой. Правой она прижимала к груди младенца. Рядом ждали еще две лошади. Предназначавшийся Кару гнедой мерин выглядел немолодым и не слишком упитанным, но каким еще быть коню трактирного слуги?

Под тревожным взглядом трактирщика Кар сел на лошадь. Девочку посадил перед собой, закрыв ее голые ноги полкой своего плаща. Короткие детские волоски забавно топорщились. Девочка ухватилась за луку седла. Заулыбалась – ей уже казалось это игрой.

Хозяин крикнул мальчишке, тот бросился открывать ворота. Девочка весело оглянулась на Кара. Он хмуро кивнул, пуская мерина вперед. Одна за другой лошади покинули двор, и маленький отряд поскакал к городским воротам. Трактирщик ехал впереди. Судя по выправке, не вся его жизнь прошла на трактирной кухне.

Городская стена, сложенная из крупных камней, возвышалась на два человеческих роста. Окованные железом ворота могли выдержать не один удар тарана. Кару они показались неодолимой преградой, отделявшей свободу и жизнь. К двум привратникам, обыкновенно следившим за потоком входящих и выходящих, сегодня добавился целый отряд воинов. Солнце играло на рукоятках мечей, шлемы и панцири сияли, как на параде. И всадникам, и пешим приходилось задерживаться у ворот. Командир отряда задавал несколько вопросов, его глаза цепко разглядывали путника, и тот мог ехать дальше. Крытые повозки солдаты тщательно обыскивали.

Группа всадников, сопровождавшая несколько повозок, только миновала ворота, когда к ним подъехал трактирщик. Женщина ехала следом, Кар скромно держался позади. Он склонил голову так, чтобы капюшон скрыл лицо. Девочка вертелась не переставая, вскрикивала и размахивала руками. Потом ее интерес привлек перстень на руке Кара. Неразборчиво лепеча, она потрогала зеленый камень, затем наклонилась и попыталась его откусить.

Кар снял кольцо. Поколебавшись, дал ребенку. Девочка рассмеялась так радостно, что Кар, накрытый новой волной стыда, прошептал:

– Оставь его себе.

Спрятав руки под плащом, почти не дыша, он слушал негромкий разговор трактирщика с солдатами. При дневном свете затея стала не только постыдной, но и попросту глупой. По здравом рассуждении трактирщик должен понять, что Кар не причинит ребенку вреда. Не успеет, даже захотев. Стоит шепнуть слово солдатам, да хватит и легкого кивка...

Трактирщик о чем-то спорил с командиром. Доносились отдельные слова: жена, дети, спешка... Командир нахмурился. Женщина дернулась. Кар не понял, что она сделала, но младенец закричал во всю мочь. Командир досадливо махнул рукой: проезжайте.

Солдаты, перегородившие проезд, тронули лошадей. Трактирщик мгновенно вскочил в седло. Послал коня вперед, жена, оглянувшись на девочку в седле перед Каром, тоже. Кар пригнулся, с трудом удерживаясь, чтобы не пуститься вскачь. Командир скользнул по нему равнодушным взглядом, и ворота остались позади.

Широкая, гладкая словно полотно дорога тянулась, огибая пышные виноградники и ореховые рощи. Сперва ехали шагом, но вскоре Кар, не выдержав, пришпорил мерина. Тот рванулся вперед. В скорости ему было не тягаться с материнской кобылой, но с каждым ударом копыт столица удалялась, а погони все не было.

Осеннее увядание еще не коснулось деревьев и трав, лишь кое-где среди листвы вспыхивали алые и желтые вкрапления. Ярко светило солнце. Травы стояли – высокие, ароматные. Поля – золотистые. Мир и процветание царили в Империи, и только в темной душе колдуна клубился страх.

Наконец, оглянувшись, Кар не увидел города. Натянул поводья. Трактирщик остановился рядом, но еще раньше его жена спрыгнула с седла и, прижимая младенца одной рукой, бросилась почти под копыта мерина.

– Отдай! – закричала она.

Кар наклонился в седле, и девочка из его протянутых рук соскользнула на шею матери. Женщина застыла, обнимая детей. Из синевы ее глаз на Кара глядела та же ненависть, что прошлой ночью он видел в глазах дамы Истрии. Только место убийцы-жреца теперь занял он сам.

– Простите меня.

Не колдун и не одержимый тьмой – просто Кар перевел молящий взгляд с женщины на ее мужа и обратно. Никто не ответил.

Отвязав от пояса кошель, Кар сказал:

– Здесь все, что у меня есть...

Женщина презрительно скривилась. Кар понял, что она скажет. Добавил поспешно, глядя в лицо трактирщику:

– Это не вам. Отдадите девочке, когда вырастет. Может быть, она меня простит.

Трактирщик молча протянул руку, принимая кошель.

– Прощайте, – сказал Кар и всадил шпоры в лошадиные бока.

Прошел не один час, прежде чем он опомнился. Мерин под ним тяжело дышал и исходил пеной. Посмотрев вниз, Кар увидел кровь на сапогах.

«Я только и делаю, что мучаю всех вокруг! Даже это несчастное животное!»

Пустил лошадь шагом. Его никто не преследовал, и тьма не являлась злорадствовать над отверженным. Белоснежные башни столицы давно скрылись из виду. Кар был один среди звонкого лесного безлюдья. Он – и взмыленный старый мерин.

Догадавшись наконец свернуть с дороги, Кар выбрал первую попавшуюся тропку – она заодно извивалась меж стволов, то огибая холм, то упираясь в речной брод или простенький мостик из двух бревен. Повозка не прошла бы здесь, но следы копыт виднелись во множестве. Кар не знал, куда ведет тропа. Ехал без цели, взгляд цеплялся за торчащие ветки. Порою они нависали над самой тропой. Полдень только миновал, но под сводами леса жил полумрак. Светлые солнечные пятна вдоль тропинки казались скромными гостями в храме вечного сумрака.

Птичьи голоса перекликались над тропой так радостно, словно весь мир принадлежал только им. Прислушавшись, можно было разобрать, что у каждой своя песня, которую она повторяет снова и снова. Никто не дирижировал этим хором, но звучал он слаженнее хора жрецов в столичном храме.

Кар больше не подгонял мерина. Тот шел все медленней, копыта мягко стучали по тропе, под ними трещали, ломаясь, сухие ветви. Лесному чертогу не было дела до мрачной бури у Кара в душе, до его страха, одиночества и ненависти. Будь он и впрямь колдуном, мелькнула мысль, лес уже сгорел бы под ударами молний, наводнение смыло бы остатки... Если только не врут слухи о силе и власти колдунов. Темной силе и власти.

Мерин наклонил голову, потянулся губами к траве на обочине тропинки. Кар хлопнул его по крупу, и конь пошел вперед, недовольно прядая ушами и то и дело норовя остановиться. Он явно считал, что на сегодня прошел достаточно, а всаднику неплохо бы проявить почтение к старости, – коли уж прочими достоинствами, вроде ума и привычки сидеть дома, судьба этого всадника обделила.

Вновь зажурчал ручей. Полсотни шагов, и деревья расступились, открылась широкая травянистая прогалина. Ее пересекал даже не ручей, а речушка с быстрым течением. Тропа обрывалась на берегу, чтобы продолжиться на той стороне.

У воды мерин решительно остановился. Всем видом выражая бунт, потянулся пить. Кар не стал спорить, расседлал его и оставил пастись. Напился в стороне от лошади. Вода, темная из-за быстрого течения, оказалась холодной и чистой.

Утомительный день, бессонная ночь, еще один день, смерть, предательство, бегство, темная фигура за спиной, беззащитное детское тело в руках... Шатаясь, как пьяный, Кар шагнул подальше от реки. Повалился в траву. Если за ним придут сейчас, он не шевельнется. Пусть делают что хотят.

Он проснулся, когда солнце почти село. Открыв глаза, бездумно смотрел на закат – узкую кровавую борозду над самыми верхушками деревьев. Журчала река, где-то поблизости стрекотал кузнечик. Все тело занемело так, будто проклятие наконец превратило его в камень.

Большой жук опустился на руку. Крылья сложились, блеснув зеленым металлом, и жук пополз от запястья к кончикам пальцев. Лапки щекотали кожу. Кар следил за ним не шевелясь. Жук остановился. Передние лапки потерлись одна о другую, крылья расправились. Насекомое будто чего-то ждало. И дождалось – слабого ветерка. Крылья шевельнулись, ловя порыв, и жук улетел, тихо гудя.

Кар снова посмотрел вверх. Время текло, не задевая, не беспокоя. Красная полоса над лесом исчезала, краски поблекли, остался неяркий розовый отсвет. Облака, темнея, наплывали на него. Кто-то приблизился, тяжело ступая. Кара тронули за плечо. Он с трудом поднял голову, но это был только мерин. Мягкие губы ищуще потянулись к человеку.

– Мне нечего дать тебе, – сказал Кар садясь. – Прости.

Мерин, будто понял, принялся щипать траву. Кар глянул с завистью – в животе сосало и выло. Он все еще жив, без денег и припасов. Хорошо еще, лошадь не сбежала, – засыпая, Кар и не подумал привязать ее.

До ближнего селения бог знает сколько пути, да и показаться там – самоубийство. Никто не поможет проклятому колдуну. Он теперь законная дичь. Эриан открыл сезон охоты, и охот-

ников у него целая Империя. Двести золотых – сумма немалая. А все деньги Кар отдал дочери трактирщика, словно так надеялся откупиться от тьмы.

Тьма будто ждала, когда о ней вспомнят. Встала за спиной. Кар чувствовал ее холодный взгляд. Молчала, и молчание было хуже любых издевательских слов.

Ехать, все равно куда, хоть чем-то занять руки и мысли – было бы легче. Но лес окутывала ночь, и Кар не решился продолжать путь в темноте. Огонь разводить было нечем, спать не хотелось. Мерин пасся поблизости, стараясь не отдаляться. Чужая в лесу волков или просто на всякий случай хотел быть ближе к человеку?

Закутавшись в плащ и обхватив колени, Кар всю ночь неподвижно просидел на земле. И всю ночь тьма стояла за спиной, и мысли были темными.

Под утро беспокойный сон сморил его, но холодный оценивающий взгляд не оставлял и там.

Глава 6. Мы – аггары

Проснувшись злым и невыспавшимся, Кар с трудом расправил затекшие конечности. Каждая мышца протестующе ныла. На завтрак была речная вода.

«Еще немного – и я съем лошадь», – мрачно подумал он, седлая мерина. Тот, не подозревая об опасности, дружелюбно ткнулся в плечо.

Переехав речушку вброд, Кар двинулся дальше по тропе. День выдался пасмурным, под стать настроению. В отдалении гроыхала гроза. Хочешь не хочешь, пора думать о будущем.

Чем дальше Кар думал, тем мрачнее становился. От моря и до моря, весь мир принадлежит им – белокожим светловолосым истинным людям. Прятаться среди них – все равно что ворону укрываться в стае белых голубей. Говорят, где-то еще живы остатки колдунов, но как их найдешь, да и зачем им Кар, воспитанный врагами беглец? А тьма за спиной лишь того и ждет, к тому и толкает – признать себя колдуном и ехать искать свою проклятую родню!

Кар зябко повел плечами. Дама Истрия, давшая ему жизнь, истинный человек. Пока может выбирать, он останется ее сыном.

Можно, следуя случайному направлению, ехать дальше на восток. Если удастся пересечь Империю, не попавшись, не умерев от голода, не заблудившись в бесконечных лесах, когда-нибудь он попадет в земли еретиков, где веками то вспыхивает, то затихает война. Но что делать там? Колдунов еретики любят не больше, чем истинные люди, с которыми их роднит общая кровь, – в прежние времена те и другие были одним племенем. Давно, когда миром еще правили колдуны.

Когда они обращали белокожих в рабство, убивали, пили их кровь во время своих темных обрядов. Само собой, бывшие рабы ненавидят саму память о колдунах! Нет, на востоке ему делать нечего. Нигде – нечего.

Совсем отчаяться помешали красные пятнышки в кустах по левую сторону тропинки. Спешившись, Кар с жадностью набросился на шиповник – вкуснее лучших дворцовых яств. Добрый кусок мяса подошел бы лучше, но через час, когда Кар выбрался обратно на тропинку, голодная резь в желудке отступила.

Утолив голод, немного повеселел. Пустил лошадь шагом по тропе – все равно куда. От людей милости не жди, не найдется ее и у бога, благоволящего истинным людям. Придется справляться самому. Прятаться в лесах, красть в деревнях еду. Отчего бы брату-принцу не стать хорошим вором? Разбойником-одиночкой, как Клот-весельчак из песенки, что распевают на ярмарках бродячие певцы? Ему, Клоту, все нипочем: ни дождь, ни град, ни стрелы графской стражи, потому как ждет его верная возлюбленная – виселица. Как ни крути, конец один. Но в песне он вовсе не казался страшным.

Тропинка, устав петлять меж деревьев, вытекла из леса. Впереди она пересекала широкую дорогу и затем убегала в зелень лугов. Дорога, древняя, вымощенная серым камнем, вела на юго-восток. Кар решил воспользоваться ею.

Он хлопнул по крупу мерина, тот пошел быстрее. Копыта весело застучали по камням. Поначалу Кар озибался, но было тихо, словно в мире остался он один. Успокоившись, задумался о своем и так забылся, что не услышал, как к ударам копыт мерина примешалась частая дробь скакавших по пятам лошадей.

Еще немного, и было бы поздно. Конный отряд казался небольшим пятнышком вдали, но быстро приближался. Проклиная сам себя за глупость, Кар помчался прочь от дороги, к лесу.

Немного проехав меж деревьев, остановился. Теперь его не увидят, но услышать могут. Соскочив на землю, стал поглаживать мерина. Тот стоял смирно, только уши подрагивали, ловя стук копыт.

Всадники приблизились. Осторожно раздвинув ветви, Кар разглядел их. Четверо. Потертые разномастные одежды, бедная сбруя, – не солдаты, разумеется, но у каждого меч и копье, и лица слишком суровы для простых селян. Скачут размеренной рысью, скоро проедут, надо впредь быть осторожней... Мерин поднял голову и прежде, чем Кар успел помешать, пронзительно заржал.

Передний всадник так резко натянул поводья, что лошадь встала на дыбы. Остальные, проскакав еще немного, развернулись. Донеслись голоса. Кар замер. Конники о чем-то спорили, и у него мелькнула надежда, но тут один, за ним остальные, съехав с дороги, поскакали на звук.

Кар мгновенно взлетел в седло. Шпоры вонзились в бока мерина, тот рванулся, продираясь между ветвей. Послышался треск. За спиной раздались крики.

Лес – плохое место для бегства. Заросли стали гуще, лошади не пройти. Сделав петлю, Кар поскакал обратно к дороге. Всадники не сразу поняли его маневр, но скоро, смекнув, бросились следом. Трещали сучья, крики были все ближе. Толстая ветка чуть не вышибла Кара из седла – он едва успел увернуться. Острый сук расцарапал щеку, другой разодрал плащ на левом плече. На открытом участке между лесом и дорогой преследователи, наконец, увидели его. Уйти не получится – понял Кар и опустил на лицо капюшон.

Всадники разъехались, двое устремились вперед, и вот его окружили с четырех сторон. Кар натянул поводья. Схватился за рукоять кинжала, но что от него толку против мечей?

– Чего вы хотите от мирного путника?

– Зачем же мирному путнику прятаться в кустах? – сразу откликнулся всадник.

Его вороной конь, не хуже тех, что стояли в императорских конюшнях, выделялся среди прочих. Обветренные лица, выгоревшие до белизны светлые волосы и густые бороды делали всадников похожими, но этот держался властно, как предводитель.

– Вас много, вы вооружены. Разве не разумно одинокому путнику избегать встречи с такими, как вы?

– Верно, – прищурился предводитель. – Но раз уж мы встретились... Судя по одежде, ты и впрямь бедный путник. Но говоришь как благородный. Не откроешь лицо, путник?

– Нет.

– Клянусь богом, ты это сделаешь или мы тебе поможем! – Он махнул рукой, и двое тронули коней.

Прежде чем к нему потянулись чужие руки, Кар сбросил капюшон – и всадники отпрянули.

– Колдун! – выдохнул один.

– Вижу, – задумчиво согласился предводитель.

– Это он, Дериник, – уверенно сказал тот, что заехал слева. – Императорский колдун. Я его видел. Его ищут, в городе болтают, гору денег обещали, кто найдет.

Повернув голову, Кар узнал его – постояльца из трактира, того, что беседовал с торговцем.

– Думаешь, император отпустит нас за него грехи? – спросил предводитель.

– Оставь его, Дериник, – поежился тот, что справа. – Колдун же... Беды не оберешься.

– Алион, да ты никак боишься? – хохотнул тот, что слева.

Дериник сощурился. Решение принято – понял Кар. Резким движением поднял лошадь на дыбы, разворачивая вправо. Конь Алиона шарахнулся от копыт. Разбойник схватился за копье, но мерин уже рванулся между ним и предводителем, к дороге. Копье Дериника пролетело над головой – Кар вовремя пригнулся. Другое копье пронзило ему плечо, третье вошло в ляжку мерину. Тот заржал, падая на передние ноги, завалился набок. Ржание перешло в хрип. Кар, ошеломленный болью, запутавшийся в стремях, рухнул на раненое плечо. Сквозь алую пелену мелькнула человеческая фигура. Последним, что Кар увидел, был занесенный меч.

– Хорошо, я остановил кровь. Осторожнее... Разрежь. Нет, убери ее совсем.

Голос, уверенный и сильный, разорвал темноту. Чьи-то руки касались тела, убирая одежду. Каждое прикосновение отзывалось новой болью.

– Нога сломана, – хмуро сказал второй голос. – Надеюсь, ты знаешь, что делаешь.

– Довольно, Чанрет, – в первом голосе слышалось раздражение. – Колдун или не колдун, он ранен, и мы его не бросим.

– Пусть так, – не уступал Чанрет, – Что ты будешь с ним потом делать? Если это тот самый...

Кар слушал, не открывая глаз. Говорили с непривычным резким акцентом – слова сыпались, как мелкие камушки на дорогу.

Голос произнес над ухом:

– Неважно. Нам нет больше дела до императоров и жрецов. Если этот мальчик убил приемного отца, он или безумец, или у него была причина. Но я не верю. Если б ты видел лицо жреца, когда молодой император разорвал перемирие, ты бы тоже не поверил.

– Но если он тот, его ищут. Те четверо позовут солдат, и нам придется драться с ними на их земле.

– Те четверо? Это простые разбойники. Иначе не сбежали бы. Хватит, Чанрет. Все равно собирались разбивать лагерь. Помогите мне, я хочу зашить рану, пока он не очнулся.

Как будто раскаленный прут вонзился в плечо. Кар вскрикнул, открывая глаза. Над ним склонилось встревоженное лицо.

– Очнулся? Потерпи, мальчик. Вот, выпей.

Кара приподняли, поднесли к губам кожаную флягу. Питье оказалось горьким, с резким запахом трав.

– Молодец, – сказал незнакомец. – Теперь боль утихнет. У тебя плохая рана, я ее промою и зашью.

Кар лежал на земле, судя по всему, там же, где свалился от удара копья. Под голову ему засунули что-то мягкое. Незнакомец опустил на колени рядом – крепкий мужчина с сединой в бороде, он походил на человека, облеченного властью, но руки, промывавшие рану, были руками целителя. Другой, видимо, помощник, сидел в ногах. Еще один стоял чуть в стороне. Его узкое, со страдальческой морщиной поперек лба, лицо было недовольным, брови сошлись к переносице. В руках он вертел длинный нож.

Поодаль слышалось движение, голоса, переступь коней, словно там остановился большой отряд.

Кар молча разглядывал спасителей. Суровые лица выдублены ветром и солнцем, длинные светлые волосы перетянуты тесьмой на затылке. Кожаные панцири с нашитыми металлическими пластинами, штаны и короткие сапоги, завязанные на лодыжках шнурками – все из грубо выделанной кожи. У каждого на поясе несколько длинных ножей и меч.

– Я знаю, кто вы, – прокашлял Кар. – Вы еретики. Я видел вас на празднике.

– Мы – агтары, – кивнул лекарь. – Меня зовут Дингхор.

– А ты – тот самый колдун, убивший императора? – спросил тот, что стоял в стороне.

– Я его не убивал.

– Перестань, Чанрет, – остановил Дингхор. – Нужны носилки или повозка. Отправь кого-нибудь в деревню, пока не совсем стемнело. Не бойся, мальчик. Мы не слуги твоему императору и жрецам не слуги. Тебе придется поправиться, раз бог спас твою жизнь, значит, ты ему зачем-то нужен. А теперь займемся твоей раной.

Повозка, влекомая парой невысоких, но крепких крестьянских лошадок, катилась по каменистой дороге. Тряска отдавалось болью в правом плече, смазанном пахучей мазью

и туго перебинтованном. От снадобья из горьких трав боль притуплялась и клонило в сон. После чудесного – иначе не назовешь – спасения Кара почти оставила тревога. Дни тянулись в вязкой полудреме, и мысли были такими же вязкими.

Не нужно больше убегать и ждать гибели. Все дальше столица и ее центральная площадь, где приготовлена плаха. Охотники тщетно рыщут по стране. Искать беглого колдуна среди еретиков, спешащих покинуть Империю, пока не вышел срок императорской охранной грамоты, никому не придет в голову. Мало ли что везут в обшарпанной повозке? Из столицы, да после праздничного торга, грех выезжать налегке.

Убегают вдаль города и деревни, все ближе спорные восточные земли – край аггаров, или, как говорят в Империи, захваченные еретиками имперские области.

Аггары – дальние родичи истинных людей. Империя веками пытается подчинить их. Земли аггаров – от древних границ страны колдунов до Ничейной Полосы, отделяющей людской мир от Злых Земель, – Империя считает своими, но истинные люди не селятся там. Их обитатели не признают императорской власти. У каждого племени свой вождь, и кроме него, никто не указ гордым аггарам. Они не следуют истинной вере, отвергают поставленных богом жрецов и назначают собственных, а те учат их как вздумается, ни с кем не советуясь и никого не слушая. Законную десятину храмам аггары не платят даже под угрозой истребления.

И потому год за годом имперские войска преследуют аггаров, оттесняют прочь от границ, от зеленых лугов, рек и плодородной почвы, туда, где кончается мир людей и начинается Ничейная полоса. За ней – таинственный край нелюдей. О нем не известно ничего, кроме сказок, но и те лучше не рассказывать на ночь детям.

Оттуда так давно, что сохранились лишь легенды, пришли общие предки аггаров и истинных людей. К границам Империи, бывшей тогда Империей колдунов. Колдуны отнеслись к незванным гостям, как к животным. На них охотились ради забавы, угоняя в рабство молодых, убивая стариков и оставляя немногих, дабы плодили новых рабов. Переживая набеги, оплакивая погибших, изгнанники кочевали вдоль негостеприимных границ, но никогда не пытались вернуться назад.

Это было так давно, что некому помнить, какая беда погнала их сюда, на смерть или рабство, что хуже смерти. Некому знать, чего беглецы боялись так сильно, что не вернулись, предпочтя сражения, смерть и служение колдунам, – а те были жестокими хозяевами.

Так продолжалось, пока тайное искусство колдунов не обернулось против них самих. Черный мор обрушился на страну, немногие смогли его пережить. Еще меньше выжило грифонов – злобных и сильных животных, верных спутников колдунов. Всадника грифона, даже невооруженного, нельзя одолеть в бою. Грифон передвигается по земле и по воздуху, в скорости с ним не сравнится ни лошади, ни орлу. Зубы и когти его рвут человеческую плоть, как мягкий пух, так что только безумцы могут осмелиться бросить вызов хозяину колдовского зверя.

Но когда мор унес жизни всех сильных колдунов и почти всех грифонов, не тронув рабов, те взбунтовались. Могучий вождь и жрец племени, воин, чей дух не сломили годы рабства, объединил восставших со всей страны. Бросил клич – и от границ Империи пришли племена изгнанников, чьи братья и сыновья были в рабстве, а дочери служили наложницами колдунам. К войску вождя – теперь его звали Вождем вождей, избранником божьим, – присоединились тысячи.

Выжившие колдуны, в основном подростки, дети да те, чье могущество было невелико, оказались обречены. Войны не было – была резня. Не щадили даже младенцев, рожденных наложницами от колдунов. Каждый, в ком течет проклятая кровь, должен умереть, – такое

видение было ниспослано вождю-жрецу. Иначе проклятие накроет страну и власть колдунов вернется.

Так Империя колдунов стала Империей истинных людей. Сын Вождя вождей стал императором, его брат-близнец унаследовал пост Верховного жреца. Немногие племена изгнанников, не присоединившиеся к восстанию, объявлены предателями. С тех пор Империя преследует аггаров, а те, за века привыкнув к нападениям, снова и снова уходят к Ничейной полосе, – чтобы вернуться, как только император отзовет войска, восстановить дома, засеять поля, а потом вновь покинуть их, спасая жизни.

Несколько лет назад император Атуан в который уже раз бросил вызов традициям, предложив аггарам мир. Вопреки воле Верховного жреца, решил отказаться от спорных земель, сменить вражду на мирную торговлю. Затем и прибыли на праздник Благодарения вожди трех племен аггаров. Двое, как узнал Кар, со своими людьми покинули город сразу после смерти императора Атуана. Третий добился-таки встречи с новым главой Империи. Толку из той встречи не вышло, но, задержавшись на день, отряд Дингхора поспел как раз вовремя, чтобы спугнуть убийц беглого брата-принца...

Сквозь щели в крыше повозки било солнце. Кар прикрыл глаза, незаметно засыпая. Хруст камешков под колесами, удары копыт, негромкие голоса, – за время пути он привык к этим звукам. Дни текли, похожие один на другой. Лица императора, жреца, Эриана как будто прятал туман. Тяжесть потери и боль предательства никуда не делись, но можно было не думать о них прямо сейчас, – и Кар не думал.

По вечерам его выводили к костру. Аггары не останавливались на постоянных дворах, вообще старались избегать селений. К закату раскидывали шатры, разводили костры по периметру стана. Не слишком полагаясь на грамоту Эриана, были готовы дать отпор и разбойникам, и солдатам императора. Всю ночь сменялись дозоры, звучала тихая перекичка. Длинные метательные ножи всегда оставались под рукой.

Те, кто не стоял в дозоре, не спешили расходиться по шатрам. Ужинали сухими лепешками, оливками, сыром. Если удавалось купить у крестьян пару овец или подстрелить оленя, над кострами аппетитно шипело мясо. Потом из рук в руки переходили кожаные бурдюки с крепким вином и звучали песни. Кар, удобно устроенный на свернутых пополах, слушал, закрыв глаза. В песнях аггаров гремели отзвуки далекой грозы и готовность к смертному бою, тоска и странная, упрямая радость.

Какой бы ни была вера еретиков, за все время Кар не видел знака против колдовства. Ни страха, ни отвращения к проклятому отродью. Но никто и не притворялся, как случилось при дворе, что не видит отличий Кара. «Ты другой, – казалось, означали их взгляды, – ну и что?» Если племя гонимых и сохранило ненависть к колдунам, обращать ее на Кара они не собирались. И за все время путешествия с ним ни разу не говорила тьма.

Дингхор часто садился рядом. Он мастерски обращался с ранами, отчего Кар и принял его поначалу за простого лекаря. Но заметив, какое почтение проявляют к Дингхору остальные, понял ошибку.

Вождь расспрашивал о жизни при дворе, о матери, об императоре Атуане. Кар без утайки рассказал про ночь убийства, лишь то, как он выбрался из города, осталось недосказанным. Аггары – у костра собрались почти все, кроме дозорных, – слушали с интересом, но без удивления. Кар чувствовал – ему верят.

– Оставайся с нами, парень, – сказал Чанрет, при первой встрече не особо дружелюбный. – Куда тебе еще? Глядишь, и будет случай отомстить.

– Мы не ищем мести, Чанрет, – мягко возразил Дингхор.

Чанрет оскалился – блеснули крупные белые зубы:

– Не вечно так будет!

– Мы говорили об этом, – терпеливо сказал Дингхор. – Не начинай снова.

Резко вскочив, Чанрет зашагал к темным буграм шатров. Вождь проводил его взглядом.

– В одном Чанрет прав, мальчик, – сказал он. – Ты можешь остаться, если хочешь. Жизнь наша трудна и полна опасностей, ты разделишь их с нами – так же, как кров и пищу.

Кар долго молчал.

– Спасибо вам, – сказал он наконец. – Я не знаю.

– Не торопись, – согласился Дингхор. – Пока не заживут раны, ты наш гость.

В костер подбросили веток. Пламя загудело, переваривая новую пищу. Аггары постепенно расходились по шатрам.

Кар улегся поудобней, и глаза сами закрылись. Принять предложение Дингхора? Разделить трудности, кров и пищу... Вождь не лжет, не лукавит. Но в этом и кроется опасность – не для Кара, для аггаров. Опасность проклятия, тьмы, что прямо сейчас молчит рядом. Как можно навлечь беду на тех, кому обязан жизнью? И все же...

Вернулась привычная дремота. Кара полуотвели-полуотнесли в шатер. Засыпая на мягкой войлочной подстилке, он слушал тихую переключку часовых, и ему было хорошо.

Погода стояла теплая, лишь тяжелое, не по-летнему низкое небо да огненные всплески в зелени дубов напоминали, что праздник Благодарения миновал. Ночами ветер разбрасывал над землей колючую прохладу, днем же Кар обливался потом за нагретыми стенами повозки. Безделье теперь выводило его из себя. Намучившись, Кар попробовал убедить Дингхора, что может ехать в седле, – и в тот же вечер получил двойную дозу сонного снадобья, отбившего всякую охоту спорить с пожилым вождем.

Леса постепенно сходили на нет, все шире пролегали между ними травянистые луга. Ручейки оживляли их звонкой песней. Лошади прибавляли шаг, словно им, как и всадникам, не терпелось вернуться домой.

Казалось, Империи не будет конца, но вот уже раскинулись вокруг владения герцога Сориана – Тосс. Остался позади столичный город, носивший то же имя. Одна за другой мимо проплыли две деревни – Кар узнавал их только по запахам навоза и печного дыма, – и снова потянулось звенящее безлюдье, стук копыт, бряцанье сбруи, шорох ветра в траве да стрекот кузнечиков. И ликующая мысль: он спасен. Он пересек Империю от центра до окраины, и его не схватили.

В тот день на ночлег стали поздно, когда угасли уже последние отсветы заката. У группы широких разлапистых ив чернели старые пятна костров, лежали аккуратными кучками дрова. Рядом из углубления в земле бил родник, заботливо расчищенный и выложенный камнями.

Опираясь на костыль, что выстругал вчера на привале хмурый и отчего-то смущенный Чанрет, Кар привалился к дереву. Подставил лицо ветру. Тот крепчал, сдувая назойливых комаров и заставляя дым стелиться у самой земли. Заход солнца не принес темноты. В сером полусвете различался травяной простор вокруг лагеря, темные пятна далеких деревьев. Кар смеялся, глотая запахи трав и дыма. Империя позади. Он выжил. Он победил – жрецов и придворных, солдат и охотников за императорским золотом, суеверных горожан, бродячих разбойников, собственную боль и страх...

Все правильно, подумал он. Пятнадцать лет – слишком рано для смерти. Пусть ноют раны, им хватит времени зажить. Пусть обида хранится в душе, как в тайнике, до лучших времен. Правду сказал Чанрет, еще будет случай отомстить. Будет, потому что Кар жив. Жив, жив!

Подошедший за дровами аггар с удивлением оглянулся, услышав смех раненого колдуна.

Настал час, когда возгласы и смех возвестили конец пути. Откинув брезент, Чанрет с улыбкой пригласил Кара выйти из повозки. Вокруг толпились встречающие. Светлокожие и светловолосые, как истинные люди, покрытые густым загаром, они жали руки и обнимали

прибывших так, как встречают вернувшихся из смертельно опасного похода. Звучали приветствия и вопросы. Дингхор говорил что-то, Кар не слышал слов, но тень, набежавшая на лица, была понятна и так.

На него, с помощью Чанрета выходящего из повозки, смотрели с любопытством. Ни страха, ни вражды, ничья рука не потянулась к оружию. Полуголые ребятишки, не смущаясь родительских окриков, обступили его со всех сторон. Их широко раскрытые глаза с ног до головы осматривали странного черноволосого незнакомца, несколько смелых ручонок даже потянулись потрогать.

Дингхор поспешно выбрался из толпы.

– Это Карий, – сказал он так, словно тем все объяснил. Добавил, обернувшись: – Приемь гостеприимство моего дома?

С неловким движением – с долей снисходительности его можно было принять за поклон, – Кар пробормотал согласие.

Так было положено начало, и к Кару вернулась жизнь. Явись ему теперь тьма, ей нечего было бы сказать. И тьма решила не тратить усилий, скрылась, – навсегда, хотелось надеяться.

Селение не раз вырастало на месте пожаров и разрушений и оттого походило на походный лагерь – хижины, плетенные из прутьев и обмазанные глиной, крытые шкурами шатры. Аггары не строили добротных домов. Привыкшие к лишениям мужчины и женщины умели обходиться малым.

Воспитанному в роскоши Кару было в новинку все: простая глиняная и деревянная посуда, войлочные постели, незатейливая, но сытная еда, – молоко, творог и сыр, пресные лепешки из драгоценной пшеницы. В новинку, но не в тягость. Он жадно впитывал новую жизнь. Тонкие стены хижины стали убежищем надежней каменных дворцовых, соломенный матрац, застланный светлым войлоком, – удобной постелью.

В доме Дингхора хватало места. Его жена умерла, в сражении с императорскими солдатами погиб первенец. С отцом остался второй сын, всего тремя годами старше Кара. Как и положено будущему вождю, Ранатор был одним из храбрейших воинов племени.

И дочь. Ее, тринадцатилетнюю, с ломаными движениями олененка и зелеными глазами лесного божества, Кар поначалу принял за мальчишку. Справившись с первым смущением, она взялась ухаживать за раненым, и вскоре он убедился, как прав был Дингхор, говоря, что передал ей уже все свое умение.

Кар быстро поправлялся. Скоро его привыкли видеть прогуливающимся с костылем между шатров и хижин, надолго застывавшим у самой воды – селение широким полукольцом охватывало большое круглое озеро, давшее название племени. Вдоль берега тянулись заросли высоких камышей, в них то и дело всплескивали рыбешки. У воды отдыхали узкие, похожие на стремительных рыб, лодки, на берегу сушились сети.

Если обернуться лицом к селению, вдали, за пестрой россыпью шатров и хижин, взгляд терялся в зеленом травяном море, усыпанном яркими пятнышками поздних цветов. Границей ему служила темная стена леса. Вдали паслись стада овец и коз, табуны коней – главное богатство полукочевой жизни.

Другой берег озера порос негустым, прозрачным на солнце лесом. Приглядевшись, можно было увидеть взмывающего с ветвей коршуна. Покружив над водой, птица быстрой стрелой кидалась вниз, и тут же взмывала обратно. Сильные взмахи крыльев несли ее к лесу, в когтях серебристой полоской блестела крупная рыба.

Запрокинув голову, Кар провожал птиц глазами. Его мучила жажда полета, как будто когда-то у него были крылья, а теперь их нет, только память и тоска. Он не видел, чтобы хоть кто-то проявлял похожие чувства, и сам молчал о них, как и о многих своих странностях.

Его встречали приветливо. Над неуклюжими попытками включиться в работу смеялись, но необидно, как взрослые над ребенком. Никто не шарахался, как будто и не висело над ним проклятие рода колдунов, и Кару все больше казалось, что здесь и только здесь его место. Если бы не тайный червячок тревоги, он был бы полностью счастлив.

Но пришел день, когда молчать стало невозможно. Однажды поутру вдоль берега озера лег тонкий лед. В тот же день из Тосса вернулся посланный за новостями отряд. С дурными вестями – со дня на день ожидалось прибытие императорских войск. Конные отряды прорвутся от селения к селению, выгоняя людей из домов, отнимая стада. Впереди поедут жрецы, с фальшивым милосердием предлагая заплатить покорностью за возможность остаться. Многие потеряют жизнь, многие – родных, а уж об имуществе и говорить нечего.

В тот вечер у Дингхора допоздна просидели воины и жрец племени – аггары звали его Голосом божьим. Дингхор решил уходить. Незачем терять людей в напрасных сражениях, их мечам хватит работы в Ничейной Полосе. Другие племена аггаров также перекочат туда, и там, в преддверии Злых Земель, хрупкий мир обернется кровавыми набегами. Не раз и не два мечи аггаров обагрятся кровью братьев. Слишком скуден степной край, слишком мало в нем пищи, даже вода там ценнее золота, а так уж повелось у людей, что в трудный час своя нужда веселей жизни соседа.

Обо всем этом говорили воины, и Голос божий не утешил их ничем. Хоть Кар, молча сидя у дальней стены, заметил на многих лицах недовольство, никто не возразил вождю. Даже Чанрет, родич Дингхора и вечный спорщик, молча вертел в руках длинный нож. Кусал губы, хмурил светлые брови, будто примерялся половчей всадить нож в чье-то сердце, но не произнес ни звука.

Когда гости разошлись, Дингхор остался перед почти потухшим очагом. Знаком пригласил Кара сесть рядом. Они были вдвоем – Ранатор ушел с родичем Налмаком, Аррэтан, дочь Дингхора, веселилась где-то в компании друзей.

Подбросив дров в очаг, Кар сел напротив вождя.

– Пришло время решать, мальчик. Мы уходим. Если ты хочешь вернуться...

Дингхор замолчал, вопросительно глядя поверх огня. Дым туманным столбом поднимался к потолку, исчезал в круглом отверстии. В красном свете очага Дингхор остро напомнил кого-то из прежней жизни.

«Кого же?» – подумал Кар, чувствуя, как заболело внутри.

– Что там? – спросил он. – Куда вы уходите?

Вождь задумчиво погладил бороду.

– Там степь граничит со Злыми Землями.

– Это я знаю. Почему вы не хотите туда идти? Из-за голода?

Дингхор покачал головой:

– Нет. Там и правда редки водоемы, почва засушлива, хлеб не растет, скот тощает без сочной травы, а диких животных мало, если не считать волков. Но мы могли бы там жить. Дело в другом.

– В чем же?

– Мы не любим говорить об этом, мальчик. Племена Злых Земель – наши дальние родичи, правда, родство то давно пресеклось. Давно, с тех пор состарились даже камни, они заключили союз с темными богами. Боги те любили кормиться человеческой плотью, и люди приносили им в жертву собственных детей. Предания говорят, что взамен они получили силу и способность меняться. Их человеческая сущность смешалась со звериной.

– Разве это не сказки?

– Не сказки. Я сам видел одного – за человека его можно было принять только издалека.

– И что дальше? – прошептал Кар.

– Наши предки отказались вступать в гибельный союз. Многие погибли в сражениях, оставшиеся бежали на запад. Звероподобные преследовали их, надежды не оставалось. Тогда Голоса божьи всех племен собрались вместе. Целый день они провели в молитве, а ночью между Злыми Землями и остальным миром легла невидимая граница. Звероподобные не смогли ее перейти. А наши предки ушли сюда, к землям колдунов. Из огня да в полымя, как говорят.

– А сейчас там... Все так же?

– Зло рвется наружу. Древняя граница еще удерживает его, но Ничейная Полоса расширяется – медленно, год за годом. Каждый раз, приходя туда, мы видим, что она стала больше.

– И вы боитесь там оставаться? – понимающе спросил Кар.

Дингхор неотрывно смотрел в огонь.

– Дети, зачатые вблизи Злых Земель, появляются на свет мертвыми.

Стало тихо, только в очаге потрескивали сучья, да издалека, от костров, долетел негромкий смех. Кар опустил голову. Будто приоткрылась дверь, и вместо мирной картины он увидел боль и страдания. Кого потерял Дингхор? Сына, дочь? Брата, сестру? Что сказать в утешение и надо ли вообще говорить?

– Я рад помочь тебе, мальчик, но не могу дать больше, чем имею сам. – Дингхор прямо взглянул Кару в глаза. На лице блестели капельки пота. – Ты можешь уйти с нами, можешь избрать другой путь. Я дам тебе коня и немного золота... И свое благословение, хоть вряд ли оно тебе поможет. Но решить ты должен до завтра.

– То, что ты рассказал... – Кар запнулся. Слова казались тяжелей булыжников. – Значит, проклятие существует, оно не сказки, не жреческие вымыслы. Если останусь – навлеку его на тебя... на всех вас. Я не хочу...

– Чем ты навлечешь его, Карий?

– Я колдун.

– Мальчик, – Дингхор ласково и с грустью улыбнулся. – Звероподобный, которого я видел, был и вправду порождением темных сил. Даже мертвый, он источал зло. Сейчас я вижу перед собой просто юношу. Растерянного, таящего в душе обиду. Быть может, несправедливость однажды и впрямь толкнет тебя на темную дорогу, но разве нам дано знать будущее?

– Но я же колдун! – Кар с отчаяньем дернул себя за волосы. – Разве ты не видишь?!

– Мальчик, я никогда не встречал колдовства. Прошу, покажи мне его. Сделай для меня что-то, непосильное простому человеку.

– Я... я не умею.

– Так почему ж ты решил, что ты колдун?

– Разве ты не видишь сам?

– Ты знаешь моих детей, Ранатора и Аррэтан, – ответил Дингхор. – Бабушка их матери была твоего рода. Она пришла к нам юной, как ты, и прожила до глубокой старости. В наследство детям и внукам она оставила особую внешность, да и та стирается с поколениями. И ни капли колдовства. Я не знаю, что делает человека колдуном, мальчик, но точно не цвет волос.

В словах вождя была надежда – Кар и мечтать не смел о подобной. Но память мгновенно погасила ее. Через силу, зная, что лишает себя последнего утешения, он произнес:

– Не только волосы, Дингхор. Иногда я бываю... ко мне приходит тьма.

Дингхор молчал, и Кару пришлось продолжать:

– Это случилось впервые, когда погиб император. Я услышал ту клевету... – Горло сдавило, пришлось откашляться. – Тогда она пришла в первый раз, но потом было еще. Как темная фигура за плечом и голос... Ты, верно, думаешь, мне мерещится, но это не так. Когда я слушаю его... Чтобы выбраться из города, я угрожал смертью ребенку. Его родители вывели меня...

Сказал и замер, глядя в пол. Теперь Дингхор отвернется, как отвернулся Эриан...

– Ты пережил большое потрясение, мальчик, – сказал вождь. – Это, а может быть, и впрямь твое родство сделало тебя чувствительным. Никто из нас не видел тьму лицом к лицу. Но, как и свет, она всегда рядом. С каждым человеком. В этом ты не отличаешься от других. Люди каждый день выбирают меж тьмой и светом, и никакого проклятия в том нет. Проклятие – сделать неверный выбор.

– Жрецы говорят иное!

– Еще бы. Они пролили столько крови, что сами давно утратили свет.

– Ты говоришь это так просто, – Кар не собирался отвечать с такой обидой, вышло само, – а я должен с этим жить. Как?

Дингхор улыбнулся:

– Подумай сам. Если над твоей головой летают птицы, плохо ли это?

– Нет, – растерялся Кар.

– А если ты позволишь им свить у себя на голове гнездо?

Сердце колотилось так, что стало больно в груди. Он медленно спросил:

– Ты хочешь сказать, только я сам могу отдаться тьме? Она не завладеет мной?

– Без твоего желания – нет.

Кар поднял голову. Огонь снова потух, остались яркие, с синими язычками, угли. В дымо-
вое отверстие с любопытством глядела звезда. И тут, в полумраке, Кар понял. Он разглядел, на кого похож Дингхор, и удивился, что не замечал раньше. Сильно, как родич, вождь племени еретиков-аггаров напоминал императора Атуана.

Кар не заметил, как вскочил. Обошел очаг. Дингхор смотрел с теплотой, от которой к горлу подступили слезы. Опустившись на здоровое колено, Кар поцеловал руку вождя еретиков.

– Спасибо тебе.

Дингхор с улыбкой отнял руку. Потрепал Кара по мокрой щеке.

– У нас не приняты такие знаки почтения, мы отдаем почести одному богу. Человек не стоит их. Но я понимаю, что ты хотел сказать. Ты идешь с нами?

– Да.

Часть вторая. Кочевник

Глава 7. Девушка и вождь

Ночь принесла заморозок, последний, как надеялся Кар. Озеро у берега стянула прозрачная корочка льда. Первые лучи солнца слепили глаза, отражаясь от ее поверхности. Дальний берег скрывала туманная дымка, ее клочья расплывались над озером и медленно таяли.

Утро только вступило в силу. В такое время хорошо раздувать угли очага, доедать оставшиеся от ужина творог, сыр и куски холодной баранины. Но что-то выгнало Кара из дымного тепла наружу. Тяжелый полог шатра упал за спиной. Почти все в племени Круглого Озера по возвращении первым делом принялись строить новые хижины взамен разрушенных, но одиноким Кару ни к чему даже такой убогий дом. Хватит и старого шатра – вводить в него невесту все равно не придется.

Холодный ветер забрался под куртку, прогоняя остатки дурного сна. Кар застучал зубами. Огромный пес выбежал навстречу, изо всех сил размахивая хвостом. В бурой шерсти запутался мусор. Холодный нос ткнулся в ладонь, выпрашивая ласку. Кар наклонился погладить пса, и тот сунулся лизнуть его в лицо.

– Дурень, – сказал Кар.

Постоял, выбирая из собачьей шерсти репы. Возвращаться в шатер не хотелось. Кар выпрямился. Взгляд по-хозяйски обошел селение – все спокойно, причин для тревоги нет, – и вернулся к озеру. Туман быстро рассеивался, лес на дальнем берегу пронизали солнечные лучи. С ветвей взмыл коршун, полетел, кружа над водой. Кар прищурился. Снова здесь...

Сюда привезли его четыре с половиной года назад – раненого, злого, запутавшегося. Здесь Дингхор вытащил его из темноты, изгнал призраков. Здесь бывший брат-принц Империи стал членом племени аггаров.

Было то решение поспешным или нет, Кар не пожалел о нем. Он научился строить хижины и разбивать шатры, свежевать убитого зверя и часами лежать неподвижно, подстерегая полуголодное стадо тощих степных оленей. Научился пасти скот, доить коров и кобылиц, охранять их от волков и людей, – в Ничейной Полосе набеги братьев-аггаров были обычным делом. Привык готовить пищу вместо дров на сухом навозе. Обьезжать коней, стрелять из лука и метать ножи.

Четыре года вблизи Злых Земель не были легкими. Еды не хватало ни скоту, ни людям. Дингхор правил племенем твердой рукой, стараясь, чтобы все, будь то добытое охотой мясо или овечья шерсть для шатров и одежды, делилось поровну. Не все вожди аггаров обладали такой мудростью, многих голод и лишения толкали к разбою. Много раз племя переживало набеги. В одной из стычек погиб сын Дингхора, сам Дингхор был тяжело ранен, и только искусство Аррэтан – Кар так старался помочь, что девушке пришлось выгнать его вон, – спасло жизнь вождя.

Разделив с племенем еду и кров, вместе проливая кровь и оплакивая друзей, Кар стал одним из них. Молчаливей и нелюдимее прочих, но друзья прощали его: нрав у каждого свой, а случись беда – Кар первым бросится на помощь. Никто словно не помнил, да он и сам порой забывал, откуда пришел. Прошлое скрыла дымовая завеса, и она все густела, а разгонять ее не было ни желания, ни времени, – хватало других забот.

Он вырос и раздался в плечах. Меч сросся с его рукой, большой аггарский лук бил без промаха, и метательный нож всегда находил цель. В угрюмом, заросшем черной бородой смуглом воине едва ли кто-то узнал бы хрупкого брата-принца.

Последней осенью вблизи Злых Земель Кару сравнялось девятнадцать. А весной племя Круглого Озера, как и многие племена аггаров, вернулось домой.

Здесь любая работа спорится быстрее, люди не прячут улыбок, скот вдоволь ест сочную траву, и ребра понемногу обрастают слоем жира. Ночами селение будят, взлаивая и огрызаясь, собачьи свадьбы. Но люди, против обыкновения, не высказывают с хворостиной: не только для собак наступила пора любви.

Месяц дважды умер и родился вновь, и никто не видел императорских солдат. Радость аггаров так велика, что едва ли кто заметил, как помрачнел Кар.

Хлопоты обустройства прошли мимо, а ночные кошмары и тянущее беспокойство днем все реальней, все больше. Споры нет, здесь хорошо. Кар и забыл, каким вкусным бывает воздух, не отравленный близостью проклятой земли, как радостно звенят по весне ручьи. Забыл, как ярко зеленеет на солнце молодая трава, как вкусна свежая рыба, когда жарить ее, посыпая солью, на углях, как пахнет мясо молодого зайца, как обжигающе струится по жилам кровь, когда загоняешь быстрого оленя...

Но рядом, мешая дышать, так близко, что почти слышишь стук ее сердца, Империя. Эриан, некогда звавшийся братом. Верховный жрец, наместник бога на земле, предатель и убийца. Мама... если ей сохранили жизнь. И все, что казалось забытым, воскресает, чтобы являться во снах и наяву.

Его молчанию не удивлялись, привыкли. Разве что Дингхор, умеющий читать в душах, обратил внимание, но Кар теперь избегал бесед с вождем. Потому что не одни воспоминания заставляли его метаться, хватаясь за любое дело, лишь бы занять мысли и руки. Но признаться Дингхору нельзя никак. С любой бедой, с любым вопросом Кар сразу пришел бы к вождю. Но не теперь. Не с этим.

Селение просыпалось. Вокруг зазвучали голоса. Стайка детей – ни одного младше четырех лет, – кто в короткой рубашонке, кто вовсе голышом, промчалась к озеру. Оттуда донесся радостный визг: кто-то решился, разбивая тонкий лед, попробовать воду.

Кар встряхнулся. Прихватив топор, прошел омытой солнцем улицей туда, где за последними домами были сложены распиленные на чурбаки осиновые и березовые стволы. Пес бежал рядом. Останавливался обнюхать столбик шатра, колесо повозки или забытую чьим-то ребенком грубую куклу и снова догонял человека. Только у самой околицы кинулся в сторону, как будто вспомнил о незаконченном срочном деле.

Кар потянулся, чувствуя, как расправляются вялые со сна мышцы. Привычно заработал топором: один-два сильных удара, чтобы появилась трещина, вставить клин, забить его глубже, и вот уже чурбак растопырился, готовясь распасться на два куска. Каждый разрубить на небольшие поленья, сложить их в стороне, и снова...

Холод отступил сразу. Кар сбросил куртку, а затем и грубую шерстяную рубашку. Давно решил не вспоминать прежнюю жизнь, но сейчас усмехнулся: видели бы придворные! В потертых штанах из овечьей кожи, голый по пояс, заросший нестриженной бородой – хорош брат-принц великой Империи! Опять замахал топором.

Солнце жарило уже вовсю, двигаясь к полудню, когда он выпрямился, отирая пот. Еще не услышав шагов, спиной ощутил чье-то приближение. Обернулся и неслышно застонал.

«Беспомощный щенок. Сколько еще будешь дрожать при каждой встрече?»

Кар с трудом выдавил улыбку.

– Вот ты где, – Аррэтан кивнула. – Отец тебя зовет. Налмак утром вернулся.

Дочери вождя исполнилось семнадцать. Скоро наступит день, когда из отцовского дома ее уведет жених. И увел бы еще год назад, но вблизи Злых Земель не играют свадеб.

В тех проклятых местах супруги избегают близости, насколько могут, но за четыре года племя все же схоронило немало младенцев. Кар видел пустые глаза несчастных родителей

и ненавидел себя. Потому что проклятие Злых Земель, отнимавшее детей у родителей, для него было горьким, как дикий лук, счастьем, а возвращение домой – невыносимой болью.

– Благополучно? – с тревогой спросил он, потому что Аррэтан смотрела печально.

– Да. – Но в улыбке скользнула грусть. – Они у отца.

«Тогда что? Ты не рада возвращению жениха? Или он принес дурные вести?» – Кар не задал вопроса.

Оставив топор, надел рубашку и пошел рядом, подстраиваясь под ее шаги. Как ни старался глядеть в сторону, глаза сами возвращались к ее лицу. Аррэтан, словно чувствуя его жадный взгляд, смотрела вниз, на примятую множеством ног молодую траву.

Как у истинных людей, глаза аггаров разнятся от светло-голубого до темно-синего, но в жилах Аррэтан была и толика колдовской крови. Ее глаза, зеленые, как омытая солнцем листва, казалось, могли светиться в темноте. Резковатые черты лица немного походили на черты самого Кара. Длинные волосы, заплетенные в толстую косу, отливали пеплом. Другой считал бы их некрасивыми, но не Кар. Простое платье из некрашеной шерсти, так непохожее на наряды придворных дам, скрывало формы тела. Но в целом свете не было девушки прекрасней и желанней Аррэтан.

Рядом с нею Кар с трудом дышал, кровь стучала в висках, тело напрягалось до боли, заставляя с тоской вспоминать вольные дворцовые нравы.

Порой казалось, еще немного – и его разорвет. Тогда Кар убегал. Седлал коня и скакал, скакал в горькую степь, куда угодно, лишь бы прочь от людей...

Теперь, с возвращением, боль стала совсем нестерпимой. А спасения нет и не будет. Впору жалеть, что четыре года назад Дингхор не дал разбойникам его добить.

– Я просился с ними, – сказал Кар невпопад. – Твой отец не пустил.

Девушка кивнула:

– Тебе опасно.

Вот так. Ему опасно, а Налмак, двоюродный племянник Дингхора и жених Аррэтан, переодетый в жителя Империи, отправился в Тосс. Там, в столице провинции, у Дингхора есть друг, а у племени – надежный осведомитель. Лучшие воины вызвались сопровождать Налмака. Дингхор отказал одному Кару.

«Нет, мальчик, – сказал он. – Эта затея опасна и тебе и другим. Или ты забыл, что приговорен к смерти?»

«Я буду осторожен, Дингхор! – настаивал Кар. – Под капюшоном не видно лица!»

«Я сказал – нет».

Мягкий и отзывчивый Дингхор, когда речь заходила о благополучии племени, бывал тверже камня. Все, что оставалось Кару – попросить Чанрета разузнать о матери.

Дом вождя располагался в центре селения. Приближаясь, Кар заметил две груженные серыми мешками подводы. Сквозь мешковину проступала белая пыль – посланцы не только благополучно вернулись, они еще купили на деревенской мельнице муку. По хлебу стосковались даже привычные аггары, что уж говорить про Кара!

Полог над входом был откинут. Пригнувшись, Кар вслед за Аррэтан шагнул внутрь. Огляделся – в последнее время он редко заходил в дом вождя, а ведь когда-то довелось здесь жить. Изменились только стены: старые разрушили императорские солдаты, оставшееся довершили ветры и дожди. Теперь на прежнем месте возвели новые. И широкие скамьи вдоль стен тоже новые. Черные от копоти занавеси, кожаные подушки вокруг очага, низкий деревянный столик, разрисованный изображениями животных, посуда на нем, – вся обстановка помнит и светлые годы на берегу Круглого Озера, и черные скитания в Ничейной Полосе. Все словно стареет вместе с Дингхором – осень без надежды на приход весны. Старший сын вождя давно мертв, а теперь и Ранатор погиб, не успев привести молодую жену. Аррэтан предстоит уйти, став

женой Налмака, в дом его родителей. Дингхор обречен доживать в одиночестве. Правда, вожди аггаров редко умирают от старости...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.